

Наталья Евгеньевна Борохова
Адвокат по сердечным делам
Серия «Адвокатский детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=312612
Адвокат по сердечным делам: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-41515-1*

Аннотация

Налаженная, размеренная жизнь Евгении Швец, главного редактора журнала «София», полетела под откос: она сбила человека на заснеженной скользкой дороге и трусливо сбежала с места происшествия. Евгению терзали угрызения совести и страх, ведь ей грозило следствие, а потом и суд! Вконец отчаявшись, Швец обратилась за помощью к адвокату Елизавете Дубровской. Дубровская посоветовала заключить мировое соглашение с потерпевшей – ею оказалась юная Мария, сбежавшая из дома из-за невыносимо тяжелой жизни. Евгения пригласила Машу пожить у себя, чтобы оправиться от травм и потрясения. Женщина не замечала, что ее муж все больше времени проводит наедине с гостьей... Дубровская тем временем проверяла биографию Машеньки. Некоторые факты из рассказа жертвы не совпадали с действительностью, и это показалось адвокату очень подозрительным...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наталья Борохова

Адвокат по сердечным делам

Глава 1

В тот день Евгения Швец вовсе не собиралась садиться в тюрьму. Конечно, ей, как и любому здравомыслящему человеку, была известна расхожая истина – относительно чего в этой жизни зарекаться не стоит, – и она какой-то частью своей души осознавала ее справедливость. Но, как и большинство других людей, она представляла, что подобное несчастье может случиться с кем угодно, только не с нею самой. Впрочем, почему она, взрослая благополучная женщина, дожившая до своих сорока лет без малейших столкновений с законом, должна идти на нары, как какая-нибудь воровка или мошенница? У нее отличная работа, абсолютно не связанная с криминалом; замечательная семья – муж и двое детей; безупречная репутация и чудесная улыбка... Нет, стоп! Улыбка здесь совсем ни при чем. Хотя в то самое утро, за час до того, как она убила человека, Евгения Швец улыбалась сама себе. Она управляла своим любимым «БМВ» и искренне полагала, что счастливее ее нет никого на целом свете.

Улыбаться, сидя в пустом салоне автомобиля, в то раннее январское утро мог на самом деле только счастливый человек. Природа из всех сил пыталась опровергнуть утверждение, что у нее якобы не бывает плохой погоды, и поливала мостовые города жуткой смесью воды и снега. Люди, кляня глобальное потепление, бросались к входам в метро и в подземные переходы, а водители, бурча проклятия себе под нос, покорно занимали места в хвосте километровых пробок.

Евгения могла не торопиться. Заседание редколлегии назначили на десять часов, и у нее был еще солидный запас времени для того, чтобы решить некоторые дела. В первую очередь она завезла в детский сад дочь Василису и даже успела переплести ей косы. Очаровательное создание махнуло ей рукой на прощание, но перед этим поинтересовалось, кто ее сегодня заберет. Хорошо, что этот вопрос решался в семье Швец легко. Родители Василисы, занятые деловые люди, давно установили правило: кто свободен, тот и берет на себя эту обязанность. Сегодня как раз этим должен был заняться Александр, муж Евгении.

Вспомнив о супруге, женщина заулыбалась еще шире. Она все еще чувствовала на своей щеке его поцелуй, которым он проводил ее в дорогу. Эта была неизменная традиция – обязательный утренний поцелуй и пожелание удачного дня, как талисман на счастье от самого красивого и доброго мужчины на свете. Подруги предрекали им когда-то, что они не продержатся вместе и двух месяцев, а они прожили уже девятнадцать счастливых лет и даже не думали что-то менять...

Евгения взглянула в зеркало и сдула с лица непослушную пушистую прядку волос. Для своих сорока лет она выглядела великолепно. Максимум на тридцать пять. Не больше. У нее было интеллигентное лицо с умными, серого цвета глазами, огромная копна мягких пепельных волос и превосходная осанка. Кто-то из знакомых назвал ее за глаза «породистой» женщиной, и Евгения, как ни старалась, так и не смогла понять, что тут имелось в виду. Дворянских корней в ее роду отродясь не было. Связями с сильными мира сего она тоже не обладала. Ну, а ее собственная внешность казалась ей весьма противоречивой. Иногда она нравилась самой себе, а иногда – сокрушалась. Ну откуда, к примеру, взялся этот нос? Он был слегка длинноват, и ее супруг утверждал, что он ее ничуть не портит, но сама Евгения была на этот счет другого мнения. Нос просто обязан был быть небольшим и аккуратным,

словно выточенным из алебастра. Глаза у красавицы должны быть больше. Губы – полнее. А фигура... Впрочем, фигурой своей она была как раз довольна.

Евгения осознавала, что в ее болезненных копаниях в собственной внешности виноват супруг. Нет, Александр не давал ей повода быть недовольной собой, кроме, пожалуй, одного... Дело в том, что Александр Швец был очень красив. Не привлекателен, не просто симпатичен, а именно красив – натуральной мужской красотой. В свои сорок два года он ничуть не растерял своего великолепия и сейчас казался ей, пожалуй, еще лучше, чем был некогда, двадцать лет тому назад. Высокий, атлетически сложенный, темноволосый, с глазами густого синего цвета и с белозубой улыбкой, он казался ей ожившей рекламой. Надо сказать, Евгения предпочла бы, чтобы ее муж был чуть-чуть менее красивым: чтобы у него появился животик, складки на щеках. Но он был спортсмен и не терпел пива. Ну, а жесткая линия рта и те самые складки на щеках делали его облик еще более мужественным и интересным. Сейчас она почти смирилась с его главным «недостатком», а когда-то, двадцать лет назад, он едва не стал причиной их первой размолвки...

Евгении, как начинающей журналистке, поручили подготовить материал о тенденциях спортивной моды. В дополнение к статье полагался богатый иллюстративный материал со снимками моделей. Женья с подругой в назначенный час прибыли в модельное агентство, где их взору предстала группа красиво одетых молодых людей: девушек и парней. Они весело болтали и не обращали никакого внимания на юных журналистов. Фотограф наладил освещение, и работа началась. Модели позировали в разных ракурсах, а девушки пытались набросать свои впечатления о показе спортивной коллекции в своих блокнотах.

– Господи, погляди, какой красавец! – ахнула подруга и что было силы ущипнула Евгению за локоть. Перед камерой в тот момент нарисовался молодой человек атлетического телосложения.

Женька только поморщилась. Не то чтобы этот тип оказался ей абсолютно неприятен. Конечно, она отдала должное его глазам, фигуре и ослепительной улыбке, но посчитала, что в его облике слишком много сахара. Ему не хватало мужественности, и ко всему прочему он был еще наверняка глуп, тщеславен и эгоистичен. Об этом она сразу же сообщила подруге.

– Ты просто дура! – ответила та, не сводя восхищенного взгляда со статиста. – А можно потрогать? – спросила она, имея в виду бицепс красавца. – Это все настоящее?

Тот покровительственно кивнул головой.

– Спокойно, девочки! Тут все настоящее. – Он взглянул на Евгению: – А вы не хотите прикоснуться к прекрасному?

– Обойдусь, – ответила она и с удвоенным усердием застрочила что-то в своем блокноте.

Она не переносила такую породу людей. Быть моделью – это занятие, простительное для женщины, но никак не для мужчины. Зарабатывать на своей внешности могут только самовлюбленные, ограниченные типы, и она ничуть не сомневалась в том, что парень в теннисной форме как раз относится к этой породе людей.

– Вы хоть ракетку-то в руках держали? – спросила она, еле сдерживая негодование. – Такое впечатление, что вы собираетесь бить ею мух.

– Да? – озадаченно спросил он, вертя в руках спортивный инвентарь. – Мне казалось, что я умею это делать. Может, вы мне покажете, как правильно обращаться с этой штукой?

«Он еще и туп как пробка!» – кипя от злости, подумала Женька, но делать было нечего, она сама завела этот разговор.

Имея за плечами пару уроков большого тенниса, когда тренер не без труда вложил в ее руки этот диковинный предмет, она заставила наглеца с белозубой улыбкой следовать ее рекомендациям. Это его почему-то ужасно веселило, а под конец он осмелел настолько, что заявил:

– А давайте сходим куда-нибудь вечером? Может, в кино?

– Вечерами я занята! – отрезала она. – Я пишу статьи.

– Как интересно! – воскликнул он. – А вы напишете что-то про меня? Признаться, я рассчитывал на интервью.

Женька едва не поперхнулась собственной ненавистью, но вовремя взяла себя в руки и твердо заявила:

– Боюсь, что о таких, как вы, лучше всего рассказывать в картинках! Знаете, что-то типа комиксов.

– Знаю, знаю! – улыбнулся он. – Значит, вы мне отказываете?

– Категорически, – заявила она и, прищурив один глаз, ехидно спросила: – А все-таки, по секрету, зачем вы всем этим занимаетесь? Ну, к чему вам все эти показы, фотографии в журналах? Вам не кажется, что настоящий мужчина должен делать в жизни что-то более значительное?

Он посмотрел на нее непонимающе, но потом рассмеялся:

– Вы знаете, я считаю, что внешность должна приносить кое-какой доход. – Он пожал плечами. – Мне просто нужны деньги...

Все! Большого от него она и не ожидала.

Всю обратную дорогу Женя дулась на себя саму и на свою подругу, которая, вдруг потеряв девичью гордость, говорила только о нем – об этом красивом манекене. В этот момент Женька с грустью думала о том, что, сколько ни произноси высокопарных фраз о красоте душевной, все разобьется вдребезги, стоит появиться вдруг поблизости красавцу с писаной внешностью и куриными мозгами.

В редакции у них потребовали интервью, и Евгения в недоумении воззрилась на подругу. Та скисла, схватилась за голову и блеющим голосом произнесла, что совсем забыла о задании редакции.

– Так, так! – запыхтел сигаретой редактор. – Значит, профукали чемпиона России по теннису? Чем вы там, черт подери, занимались?

– Какого чемпиона? – с недоумением спросила Женька.

– Того, которого ты учила держать ракетку! – простонала подруга. – Ты еще сказала, что ему нужно позировать для комиксов.

– Все ясно! – отрезал редактор и швырнул непотушенную сигарету прямо им под ноги. – Так, милые мои, карьеру не строят. Мы об этом интервью, между прочим, еще месяц тому назад договаривались! Все пытались его отловить между сборами и соревнованиями. И что теперь? Приходят две облезлые курицы и пускают дело коту под хвост! Вот что, милые мои, не будет интервью ко вторнику – пеняйте на себя...

Подруга взялась исправить ситуацию, но через день вернулась несолоно хлебавши. Красавец требовал прислать именно ту смешную девчонку, которая воображает, что умеет держать в руках ракетку. Надо сказать, что самой Евгении внимание чемпиона ничуть не польстило. Да, она осознавала, что парень оказался не так прост, как ей подумалось вначале, но она с предубеждением относилась к спортсменам и полагала, что все они примитивны и абсолютно неинтересны как личности. Известие о том, что свои гонорары от съемки чемпион собирался отдать в помощь детям-сиротам, застало ее врасплох. А когда она узнала, что этот странный парень бесплатно дает уроки большого тенниса одаренным подросткам из бедных семей, в душе ее шевельнулось раскаяние. Они встретились, и случилось то, чего Женька боялась больше всего. Она попала в плен его обаяния и с неудовольствием вынуждена была признать, что Александр – умный и интересный собеседник, а она, по всей видимости, непроходимая дура, которая мыслит штампами и не видит ничего дальше своего носа. Он рассуждал о политике и о литературе, обнаруживая глубокое знание этих предметов. Он любил классическую музыку, разбирался в джазе и легко ориентировался в мире рока. Он

мог говорить о чем угодно, только не о себе самом. Свое чемпионство он не обсуждал, а о собственной благотворительности говорил с легким оттенком смущения.

Их роман был стремителен, и, когда он сделал ей предложение, все подружки были в ужасе, а мать и вовсе едва не слегла с сердечным приступом. «Доченька, тебе нужно кого-нибудь попроще, – только и говорила она. – Ну, зачем нам в семье чемпион, да еще и красавец?» – «Не будет тебе с ним счастья, – твердили подружки. – Одна маета!» Евгения с горечью осознала, что они правы, но не могла же она сломать любимому нос или заставить его побриться наголо? Короче говоря, она отвела себе на счастье ровно один год, а там решила: будет так, как будет! Прошел год, и она замахнулась на два. Потом – на целую пятилетку. Потом – еще...

Конечно, за все эти годы у них бывали и ссоры, и бурные примирения, как в любой семье, но ни один из них ни разу не заводил речь о разводе. Размолвки эти казались им слишком мелкими для того, чтобы поставить на карту главное – их семейное счастье. Сын Иван, родившийся через семь месяцев после свадьбы, стал чудесным даром молодых супругов самим себе, и с тех пор жизнь их семьи протекала в непрерывной заботе о ребенке, об их общем доме. Ко всему прочему Александр и Евгения оказались амбициозными людьми, львиную долю своего времени отдающими карьере. Глава семьи вынужден был из-за травмы распрощаться с большим спортом, но вовремя сориентировался и перешел на тренерскую работу, получил диплом о высшем образовании и даже успел защититься. Теперь он, уже в статусе кандидата педагогических наук, читал лекции в университете, а многие начинающие теннисисты мечтали стать его воспитанниками.

Карьера Евгении складывалась не столь звездно, но, впрочем, тоже вполне благополучно. После окончания факультета журналистики она попробовала себя в качестве корреспондента одной из газет, затем ведущей на радио, потом писала заметки для различных журналов, пытаясь найти свой стиль. Ей поручили вести рубрику в одном из новых молодежных изданий, затем она уже курировала работу целого отдела и даже отвечала за связи с общественностью. Венцом ее карьеры стало место главного редактора популярного журнала. Теперь ей казалось, что она непрерывно находится в эпицентре какого-то сумасшедшего урагана. К ней на стол стекались материалы, охватывающие темы различных сфер человеческой деятельности. Она должна была знать новости, разбираться в бизнесе и юриспруденции, понимать толк в моде и красоте; улавливать переменчивые волны читательского интереса; идти на шаг впереди конкурентов. Поначалу она оторопела от потока новой информации, обрушившейся на нее, как стихия, и даже запаниковала, думая, что по ошибке уселась в чужие сани. Если бы не Александр, который взял на себя в то время не только заботы о сыне, но и обязанности ее личного психолога, Евгения вряд ли бы выдержала ту многодневную гонку. Тогда ей приходилось доказывать издателю, своим новым подчиненным, да и самой себе, что она и есть та самая незаменимая персона, которая должна стоять у штурвала модного издания и определять, каким курсом должна плыть глянцева махина под названием «София». Каждый вечер, убедившись, что Иван спит, супруги усаживались на кухне и, заварив чай с мятой, часами вели долгие разговоры. Александр разбирал жалобы супруги со сновкой завязанного психотерапевта. Все мелкое и незначительное он отправлял в кучу с резолюцией «само рассосется». Проблемы средней значимости муж предлагал решать по мере их поступления, зато не жалел времени на то, что серьезно портило жизнь его любимой жене. Главным препятствием на пути к успеху новоиспеченного главного редактора была не зависть коллег и не скверный нрав издателя, а, как ни странно, собственный характер Евгении Швец, существовавший словно сам по себе, отдельно от своей хозяйки. Привыкшая добиваться совершенства во всем, за что бы она ни бралась, Евгения вдруг вообразила, что от нее – и только от нее – зависит то, как будет воспринимать ее журнал читатель. Она бралась править чужие статьи, потому что ей все время казалось, что они далеки от идеала

и не соответствуют ее представлению о том, что желает увидеть от нее издатель. Она изводила бесконечными придирками журналистов, заставляла их перепроверять уже достоверную информацию и даже пыталась тестировать на себе косметику, стараясь понять, не лжет ли рекламодатель. Она совала нос во все дела и решительно не хотела принимать доводы мужа о том, что главный редактор вовсе не должен создавать номер в одиночку. «Хочешь, чтобы было хорошо, – сделай все сама», – вздыхала она и упрямо тянула на себе весь редакторский воз. Ответственный секретарь у нее валял дурака. Редколлегия была баклуши. А Евгения Швец худела и бледнела, пытаясь заменить собою всех авторов, редакторов и корректоров – в одном лице. Кончилось все тем, что она слегла от нервного истощения, попутно подхватив и сезонный грипп. Когда она, полыхая от жара, лежала в своей постели, ей казалось, что настал конец света и ее любимой «Софии» больше нет. Вернувшись на работу через месяц, она с удивлением заметила, что журнал в ее отсутствие только похорошел и посвежел, что ее ответственный секретарь работает как надо, а члены редколлегии недаром получают деньги. В кабинете ее ждал свежий букет цветов и открытка от издателя с пожеланием доброго здоровья. Тогда она впервые задумалась о том, что, по всей видимости, Александр прав, и ей нужно проявлять к людям больше доверия и теплоты. С того момента она наконец успокоилась, отвела для служебных дел строго отведенные часы и запретила себе брать работу на дом. Ее любимая «София» поплыла по волнам издательского мира красиво, с достоинством выдерживая легкую качку, а иногда и безветрие, пока главный редактор опять не нарвалась на мель. В этот раз все оказалось намного хуже.

Занятая работой, Евгения как-то не заметила перемен в своем самочувствии и, когда обратилась к врачу за консультацией по поводу расстройства желудка, получила шокирующий удар. Она ждала ребенка. Это известие выбило ее из колеи настолько, что она просто не могла прийти в себя. Ей было уже тридцать шесть лет, и ей казалось, что время пеленок и распашонок осталось далеко позади. Ване минуло пятнадцать, и он уже забыл свои детские просьбы о братике или сестренке. Она же не собиралась ни беременеть, ни рожать. Впрочем, мысль о том, чтобы избавиться от ребенка, не нравилась ей тоже. Но беременность – не то состояние, от которого можно так легко отмахнуться.

– Я пропала! – говорила она мужу, сжимая ладонями виски. – Меня выгонят с работы, потому что никому не нужна на месте главного редактора эдакая мамочка с бутылочками и памперсами! Ну, что же ты молчишь, Сашка? Что мне, по-твоему, делать?

Александр был не менее ее обескуражен неожиданным известием, но его шок прошел гораздо быстрее. Более того, он боялся признаться себе в том, что состояние жены ему нравится. Все кончилось тем, что однажды к приходу жены с работы они с сыном подготовили ей сюрприз. Увидев детскую коляску, доверху наполненную игрушками, ползунками и пеленками, Женя разрыдалась.

– Вы ничего не понимаете, – плакала она, размазывая по лицу слезы, как девчонка. – Я не для того столько лет выстраивала свою карьеру, чтобы сейчас осесть дома и варить манную кашу!

– Ты хочешь избавиться от ребенка?! – спросил Ваня с ужасом, словно вместо своей матери внезапно увидел сейчас Медузу горгону.

Она затрясла головой:

– Нет! Но я слишком стара для всего этого. Я не хочу проходить через все это еще раз. Более того, я просто не смогу!

– Ну почему, ради всего святого? – удивился Александр. – У тебя хорошее здоровье. Ты полна сил. Ты сможешь! В конце концов, я помогу тебе...

– Поможешь в чем? – зло спросила она. – Носить в себе нашего ребенка? Посещать женскую консультацию? Кормить его грудью?

– Я помогу тебе сделать так, чтобы твое новое состояние причинило тебе как можно меньше хлопот, – сказал он веско. – Тебе придется только немного разгрузить свое расписание, но в остальном все останется так, как и прежде. Ты сможешь даже работать.

– Ты говоришь ерунду! – категоричным тоном заметила она.

– Конечно, окончательное решение остается за тобой, – сказал он. – Но я полагал, что и наше мнение имеет для тебя значение.

Он с силой толкнул коляску, и плюшевый мишка, скатившись с вершины разноцветной пирамиды, упал ей под ноги. Это был почти единственный случай за их долгую супружескую жизнь, когда на горизонте замаячила перспектива расставания. Александр, обычно человек покладистый и добрый, проявил в этой ситуации недюжинное упрямство, и в конце концов она сдалась из милости, решив ничего не предпринимать и сохранить ребенка. Супруг если и был рад этому, то не показывал вида. Они вели обычную жизнь, работали и почти не говорили о том, что скоро должно произойти. Евгения покорно и гордо несла над головой нимб мученицы. Супруг и не думал ей сочувствовать.

Через несколько недель Евгения вернулась домой с работы пораньше. Ее сильно тошнило, а в животе возникли тянущие боли. Она еле дотаскала до дверей квартиры. К счастью, дома был Александр. Увидев белое, как бумага, лицо жены, он немедленно вызвал «Скорую». Евгению отправили в больницу с сильнейшей угрозой прерывания беременности.

– Сложно сказать, сможете ли вы сохранить ребенка, – качал головой врач. – Боюсь, это вряд ли возможно.

Евгения думала, что почувствует при таком известии грандиозное облегчение. Проблема решалась сама собой и избавляла ее от ужасной необходимости делать выбор. Но, как ни странно, предсказание врача всколыхнуло в ней чувство вины по отношению к нерожденному ребенку. Она посчитала, что дитя, почувствовав нелюбовь матери, решило не появляться на свет. Это был тяжелый момент, и она ощутила неожиданную пустоту при мысли о том, что предпочла малышу журнал. Тогда-то всеми своими силами она уцепилась за тоненькую нить, которая еще связывала ее с ребенком. Александр был удивлен, застав свою жену в больничной кровати всю в слезах, но уже по поводу, прямо противоположному тому, который еще совсем недавно был причиной ее переживаний. Евгения готова была бросить журнал, она согласна была пролежать в постели весь оставшийся срок беременности, пить таблетки, переносить уколы, только бы сохранить то чудо, от которого она едва так легко не отказалась. Тревога за судьбу ребенка сильно сблизила супругов и заполнила собой брешь в их отношениях.

К счастью, все обошлось, и уже через пару недель она смогла вернуться в редакцию. Теперь она была осторожна и благоразумна, готова к разговору с издателем и даже к тому, что ее попросят перейти на более легкую работу. Но, по всей видимости, ее деловую репутацию и опыт ценили, поэтому позволили ей уйти на щадящий режим. Теперь она выполняла часть своих обязанностей дома, у компьютера. Все складывалось как нельзя лучше. Александр не забыл о данном им когда-то обещании и максимально облегчил ей жизнь. Вскоре в их квартире появилась Нурия, пожилая деревенская женщина, взявшая в свои руки всю работу по хозяйству. Евгении оставалось лишь давать ей необходимые распоряжения и радоваться тому, как прекрасно ее помощница со всем справляется.

Нурия вырастила своих четверых детей, а сейчас была свободна и хотела немного подработать, чтобы не сидеть дома. Она привязалась к своим новым хозяевам и даже гордилась тем, что работает у таких хороших и добрых людей. Когда родилась Василиса, ее помощь оказалась весьма кстати. Она с удовольствием возилась с девочкой, и супруги решили, что лучше няни им просто не найти.

Рождение Василисы стало для Евгении счастливым событием. Она гладила темные волосики дочери, рассматривала ее кукольное личико с синими, как у отца, глазами, трогала крошечные ручки и утирала слезы радости. Она не могла поверить, что еще сравнительно недавно стояла перед выбором, не зная, что ей следует предпочесть – радость материнства или собственную карьеру? Евгения была благодарна тому, что мудрое провидение (а может быть, это был сам создатель, кто знает?) вовремя встряхнуло ее, показав ей всю глубину ее собственной глупости. Смысл ее жизни был в этом смешном, туго запеленутом кулечке, да еще, пожалуй, в высоком красивом человеке, который все время был рядом с ней, а теперь протягивал руки, чтобы впервые поддержать собственную дочь. А еще с ними был Иван, их сын, которому уже исполнилось шестнадцать, и он со страхом и радостью поглядывал на крошечное создание, которое истошными воплями приветствовало его появление в больничной палате.

Страхи Евгении оказались беспочвенными, и уже довольно скоро она смогла вернуться к работе в редакции. Материнство пошло ей на пользу. Она словно расцвела, помолодела. Ей казалось, что время обратилось вспять и она снова вернулась в то счастливое состояние, в котором некогда пребывала после рождения Ивана. Когда ей с дочкой доводилось бывать в общественных местах, к ней обращались не иначе как к девушке, молодой матери. Ее это чрезвычайно забавляло, ведь, как ни крути, в скором времени ей должно было исполниться сорок – не самый приятный возраст для женщины. Но наличие на ее руках маленького ребенка легко убирало ей лишний десяток лет, и она с радостью принимала эти обращения: «Девушка, а вы не подскажете...», «Девушка, здесь на скамейке есть свободное место...». Разве может быть у взрослой женщины такая крошечная дочь?

В общем, все шло как надо. Материнство, заботы о семье, работа в журнале перемежались с отпусками, бюллетенями по болезни, каникулами в школе – все, как в любой другой семье, до того самого дня, когда Евгения привычно села за руль своего «БМВ»...

Снегоочистители елозили по ветровому стеклу, издавая ужасный скрип. В салоне звучала красивая мелодия, и Евгения, размягченная воспоминаниями, готова была побыть наедине с собой и со своими мыслями еще немного, прежде чем ее засосет суета очередного рабочего дня. Необходимость плестись в пробке, постоянно трогать с места и тут же тормозить, слышать отчаянные гудки торопящихся по своим делам горожан ее раздражала. Она решила поехать дальним путем, благо время для этого у нее имелось с избытком. Миновав пару кварталов, она свернула во дворы и еще долго петляла в лабиринтах коротких улиц, потом пересекла магистраль и выехала на объездную дорогу. Ее путь лежал через большой лесной массив, где даже воздуха, казалось, было больше. Правда, сегодня, из-за этой ужасной слякоти, ей не удалось полюбоваться красотами зимнего леса. Все вокруг затянуло густой пеленой, и Евгении казалось, что, вырвавшись из шумного городского потока, она сразу же очутилась на краю света, где было тихо и темно. Дорога петляла то влево, то вправо, то забиралась на пригорок, то лихо скатывалась вниз. Жене было чрезвычайно уютно в теплом салоне, где умиротворяюще звучала музыка и все житейские проблемы казались ей ужасно далекими, даже надуманными.

Внезапно из темноты, прямо ей под колеса, ринулось что-то очень быстрое, небольшое. Может, это была бродячая кошка, заяц или что-то в этом роде. Женщина резко крутанула руль, стараясь избежать столкновения, но колеса на скользкой поверхности дороги не подчинились команде, и она с ужасом осознала, что не управляет ситуацией. «Поворачивай руль в сторону заноса. В сторону заноса...» – твердил ей голос невидимого инструктора, но она что было сил жала на педаль тормоза, которая была сейчас абсолютно бесполезной, и до дрожи в руках цеплялась за руль. Зверек тем не менее благодаря своей расторопности остался жив, но Евгения, не успев перевести дух, увидела прямо перед собой невесть откуда

взявшуюся человеческую фигуру. Скорость ее машины была небольшой, но удар по левой части капота, казалось, сотряс собою землю. Человек нелепо взмахнул руками и отлетел в сторону, как тряпичная кукла. Машина, проехав еще несколько метров, наконец остановилась, уткнувшись бампером в дорожный указатель: «п. Клепино».

Несколько секунд Евгения пребывала в полном оцепенении, но, когда к ней вернулась способность ощущать мир, она с ужасом поняла, что лежит лицом на рулевой колонке, а машина оглашает окрестности громкими звуками гудка. Она отпрянула назад, словно опасаясь, что сейчас на шум сбегутся люди, вытащат ее из машины и волоком потащат в милицию. Она ожидала громких криков, стука кулаков по стеклу и на всякий случай заблокировала дверцы. Радио почему-то замолчало. Должно быть, она нечаянно нажала рукой на кнопку. Впрочем, ей сейчас было не до музыки. Мысли, одна страшнее другой, проносились в ее голове, как пугливые зайцы. Она уже слышала вой милицейской сирены, ощущала на своих руках холодную сталь наручников, и в голову ей почему-то лезли фразы, которые она слышала в каком-то фильме: «Вы вправе молчать, ибо все, что вы сейчас скажете, может быть использовано против вас... Вы имеете право на адвоката... Если у вас нет средств на оплату защитника, вам его предоставит государство...»

Томительное ожидание длилось не больше минуты. Ей показалось, что прошли часы. Вокруг стояла вязкая тишина. Только капли дождя пополам со снегом барабанили по капоту. Кап... кап... кап... Ее никто не тревожил. Ей никто не кричал, не стучал, не свистел. Наконец она поняла, что осталась одна в этом заснеженном мире. Одна, если не считать человека, которого она сбила пару минут назад.

Евгения с трудом повернула голову. Никого. Только темная лента дороги впереди. Трусливая мысль шевельнулась в глубине души. Может быть, все это ей только показалось? Может, она заснула за рулем и проснулась только тогда, когда ее автомобиль уткнулся бампером в дорожный знак? Она открыла дверцу и тихонько выскользнула наружу. Дверцу оставила на всякий случай открытой. Кто его знает?..

Но опасения ее были напрасны. Никого из посторонних Евгения не заметила. Осторожно ступая по мокрому асфальту, она обошла машину и едва не вскрикнула, увидев в нескольких метрах от себя скрюченное человеческое тело. Видимость была отвратительной. Она даже не разобрала, кто это был: мужчина или женщина. Человек лежал на боку, неестественно вывернув ноги, и не шевелился.

– Эй! – позвала она еле слышно. – Эй! Как вы?

Вопрос ее, если разобраться, был глупым. Как, спрашивается, должен чувствовать себя человек, которого только что сбила машина?

– Эй, отвечайте! – попросила она уже громче, и голос ее задрожал. – Что вы молчите? Вы слышите меня? – Она нервно всхлипнула.

Человек не шевельнулся. Он лежал на холодной земле и не прилагал никаких усилий, чтобы приподняться, позвать на помощь, кивнуть головой или еще каким-нибудь способом дать понять, что он жив.

Евгения сделала шаг в сторону тела и остановилась. Она поняла, что ни за что на свете не сможет подойти к нему, убрать с его головы капюшон. Что она увидит? Устремленные в пустоту, ничего не видящие глаза? Залитое кровью лицо? Предсмертную гримасу боли? Она содрогнулась, представив себе эту картину столь ясно, что ей захотелось кричать. Кричать от боли, отчаяния, ужаса.

Но она вовремя взяла себя в руки. Небо на горизонте светлело. Еще полчаса, и очертания предметов станут четкими. Темнота уползет под кроны подступающих к дороге деревьев. Настанет день.

Внезапно новая волна ужаса окатила ее с головы до пят. В любую минуту здесь могли появиться люди! Ведь рядом стоял дорожный знак, указывающий на близость населенного

пункта. По дороге мог проехать автомобиль. Что случится тогда? Ее обязательно заметят. Увидят и распростертое на обочине тело. Хватит и секунды, чтобы оценить ситуацию и принять решение. Бегство тоже вряд ли ей поможет, если они запомнят номер ее машины.

Она резко развернулась и, подбежав к машине, быстро забралась в салон. Зубы ее стучали, то ли от пережитого ужаса, то ли от предрассветного холода, пронизывающего до костей. Руки, когда она поворачивала ключ в замке зажигания, тряслись. Она молила бога о том, чтобы машина не заглохла в самый неподходящий момент, и, когда мотор сыто заурчал, она резко дернула ручку на коробке передач. Чуть сдав назад, чтобы объехать дорожный указатель, она рванула вперед. Прошло несколько минут, и дымка выхлопных газов рассеялась в воздухе. Место происшествия опустело...

Глава 2

«Я убила человека! Я только что убила человека...» – стучала в висках беспокойная мысль. Этот звук, как казалось ей, эхом разносился окрест и заставлял Евгению все сильнее нажимать на педаль газа. То, что она сейчас совершила, казалось ей невероятным, неестественным, словно списанным из какой-то чужой жизни про злодеев и милицию. Она, добрая и умная Женечка Швец, убила человека, а теперь замечает следы, чтобы уйти от преследования. Хотя, если разобраться, ею сейчас двигало не желание оставить всех с носом, а элементарный страх, что-то вроде инстинкта выживания, заставляющего человека в критической ситуации делать выбор в пользу самосохранения.

В зеркало заднего вида она заметила, что позади нее появился автомобиль. Мигалки она не увидела, но присутствие на дороге еще одного водителя заставило ее напрячься. Ей показалось, что он моргает ей фарами, не то сигнализируя ей о чем-то, не то требуя остановиться. Он настигал ее. Мрачная громада чужого автомобиля делалась все больше, и Евгения поняла, что ей никуда не деться от преследования. Смирившись с неизбежным, она чуть сдала к обочине, но машина промчалась мимо нее, прогудев в знак приветствия.

Она остановилась и некоторое время пыталась прийти в себя, унять дрожь в руках и коленях, очистить мысли. Коли она уже приняла решение скрыться с места происшествия и спастись, дальше ей следовало действовать с максимальной осторожностью, на холодную голову. А где ей взяться, холодной, трезвой голове, если сейчас Женьку окатывало то жаром, то холодом с головы до ног и все ее попытки взять себя в руки выглядели жалко?

Она вышла из автомобиля, решив осмотреть капот. Повреждения были серьезными, хотя и меньшими, нежели она ожидала. Левая фара разбилась. Пострадали крыло и бампер. Вмятина имелась и на капоте. Но сердце ее забилося сильнее не от осознания необходимости грядущего ремонта, а оттого, что в битых осколках стекла на фаре отчетливо виднелись бурые следы, которые она, разумеется, приняла за кровь. Евгения схватила из салона рулон с салфетками и принялась вытирать ошметки левой фары. Кончилось все тем, что она порезала себе палец, а использованные салфетки выбросила на обочину.

Оглядевшись, она поняла, что излишне удалилась от города, проехав нужный поворот. Ей пришлось возвращаться назад. Меньше всего ей хотелось сейчас ехать в редакцию, а больше всего ей необходим был ее супруг. Уж Александру бы пришло что-нибудь дельное в голову! Он не стал бы причитать, в ужасе мотая головой, заламывая руки и изводя ее бесчисленными, но теперь уже бесполезными вопросами. Она набрала его номер. «...надеемся на ваше понимание», – слащавым женским голосом отозвалась трубка. Проклятие! Она оказалась вне зоны приема. В богом и людьми забытом месте. Совсем одна! На битой машине! С первобытным ужасом в глазах...

Но делать было нечего. Она развернула автомобиль и поехала по направлению к городу. Теперь уж она не петляла в лабиринтах своей памяти, предаваясь приятной неге, а вела машину к месту назначения, как запрограммированный робот. Евгения понимала, что в таком деле весомыми могут оказаться любые мелочи, и отсутствие ее на месте работы в рабочее время может повлечь за собой неизбежные вопросы а, может, даже и подозрения. И то и другое ей было совершенно ни к чему, поэтому волей-неволей она и ехала в редакцию.

Она и не представляла, как сложно ей будет влиться в поток машин, проехать мимо стационарного поста ГАИ. Ей казалось, что на нее пялятся прохожие, показывают пальцем водители. Словно на капоте ее машины кто-то установил неоновую вывеску: «Я только что сбила человека!» Ей едва не стало дурно, когда дорожный инспектор взмахнул жезлом, потребовав остановиться.

Собрав всю волю в кулак, она прилепила к губам одну из своих самых искренних улыбок. Было время, когда они еще действовали на мужчин. Но гаишник, сурово сдвинув брови, попросил ее предъявить документы. Евгения передала ему черную кожаную книжечку, в которой имелось все необходимое. Мужчина недовольно буркнул что-то себе под нос.

– Что, простите? – поинтересовалась она.

– Где вы перед покалечили? – спросил он.

Сознание царапнуло слово «покалечили», и она почувствовала подступающую к горлу тошноту.

– Это произошло случайно, – пробормотала она. – Я не хотела...

– «Не хотела», – передразнил он. – Вот моя жена тоже не хотела, когда выезжала с парковки! Просто дала со всей дури в столб. Как это у вас получается, вот что мне интересно?

– Так мы же женщины, – виновато улыбнулась Евгения.

Обычно она до хрипоты в горле доказывала, что женщины – лучшие водители и мужские анекдоты на этот счет – глупые предрассудки, но сегодня был явно не тот случай. Ей требовалось отвязаться от служителя закона раньше, чем он начнет задавать ей вопросы или связываться с кем-нибудь по рации. Прикинуться бедной дурочкой было проще, чем ратовать за равные права и справедливость.

К счастью, гаишник оказался человеком нелюбопытным, и спустя уже пару минут она въезжала в город. К своему офису она подъехала только через сорок минут, опоздав на заседание редколлегии...

Ее ответственный секретарь, Сбродов Алексей, был уже на своем привычном месте. Обычно он встречал ее в холле и забирал из ее рук ключи, чтобы отогнать машину в подземный паркинг. Честно говоря, это в обязанности секретаря не входило, Евгения Швец вполне могла справиться с этой задачей сама. Но так уж повелось, что шустрый и пронырливый Сбродов, навязав ей свои услуги несколько раз подряд, стал проделывать эту операцию каждое утро. Несомненно, это было удобно, хотя порой Евгения задумывалась, почему ее ответственный секретарь проявляет о ней такую заботу? Думать о том, что она ему нравится и он делает все это ради собственного удовольствия, было приятно, но глупо. Во-первых, она не нуждалась в его нежной привязанности, а во-вторых, и сам Алексей отнюдь не принадлежал к породе людей, безнадежно влюбленных. Это был ярко выраженный эгоист с задатками типичного карьериста. Он был десятью годами моложе Евгении и считался одним из самых перспективных сотрудников редакции. Сама Евгения предпочла бы видеть на месте ответственного секретаря человека менее амбициозного, но более надежного. Однако издатель настаивал на кандидатуре Сбродова, и с этим ей приходилось считаться.

– Евгения Федоровна, мы вас жаждали, – сказал он с улыбкой, встретив ее у подъезда. – Что-то произошло в пути?

– Нет-нет, – покачала головой Евгения. – Все в порядке.

– Давайте ключи, я поставлю машину.

Женщина заколебалась:

– Мне показалось, что я сегодня удачно выбрала место для парковки. Можно оставить ее и там, на улице.

Лицо молодого человека выразило удивление.

– Вы слышали прогноз на сегодня? Двигается циклон. Так что к вечеру вы найдете свою любимицу под толщей льда и снега. Вам это надо?

Отказываться от его услуг было бы глупо и даже подозрительно, поэтому Евгения скрепя сердце передала ключи помощнику. В конце концов, машину, хотя и бегло, осматривал инспектор и не нашел ничего, что показалось бы ему криминальным.

Через пять минут главный редактор журнала «София» входила в свой служебный кабинет...

Все были уже в сборе. Судя по неубранным кружкам с выжатыми пакетиками чая, редколлегия собралась сегодня точно по расписанию. На повестке дня стояло обсуждение юбилейного номера журнала, и пятеро креативных молодых людей с папками в руках с нетерпением дожидались случая высказать редактору свои соображения относительно того, как будет выглядеть «София» в свой десятый день рождения.

Евгения обязана была по такому случаю искриться идеями и зажигать всех своим энтузиазмом. Так бы оно все и было, не случись с ней сегодня поутру это ужасное происшествие. В ее кейсе, битком набитом бумагами, лежали заметки редактора, перемешанные с предложениями ее коллег, некоторые рукописи дискуссионного характера, которые она намеревалась обсудить, а также подготовленные к выпуску иллюстрации. Но после бурного утра, проведенного Евгенией в гонке от ее воображаемых преследователей, в голове у нее было пусто, за исключением, пожалуй, единственной мысли: побыстрее бы все это закончилось и она оказалась бы в своем тихом, безопасном доме.

Тем не менее за стол она села, как обычно поприветствовав собравшихся кивком головы и улыбкой.

– Начнем, помолясь, – сказала она. – Итак, юбилейный выпуск журнала... Не стоит вам повторять, дорогие мои, что это особое событие, и материал номера должен быть подобран так, чтобы у читателя с самой первой страницы возникло ощущение праздника, феерии, если хотите. После изучения ваших материалов у меня подобного чувства не возникло. – Евгения без особого интереса перелистала страницы оригинал-макета и пожала плечами, показывая подчиненным свое неудовлетворение. – Пресно, однообразно, может быть, приемлемо для текущего номера, но никак не для десятилетнего юбилея...

Тут ее взгляд остановился на собственных руках, и она в ужасе замерла. На указательном и большом пальцах правой руки явно виднелась бурая полоса неопределенного происхождения: то ли грязь, то ли кровь, то ли все это вместе. Ко всему прочему на подушечке пальца сильно саднила свежая царапина, которую она получила, пытаясь отмыть разбитую фару.

Мысли Евгении смешались, и она замерла на полуслове. Руки она машинально убрала под стол и теперь по лицам коллег пыталась отгадать, заметили ли они причину ее замешательства. Подчиненные слушали ее внимательно, только редактор отдела красоты и моды почему-то отвела глаза в сторону, словно боясь встретиться с ней взглядом.

– Я хочу выслушать ваши предложения, – резко заявила Евгения, давая всем понять, что право высказаться переходит теперь к членам редколлегии.

Присутствующие оживились.

– Мое предложение остается в силе, – пробасил пухлый мужчина, курирующий в их журнале новостной блок, а заодно и сферу экономики и права. – Необходимо увеличить объем выпуска. Сделать такую «толстушку», которая бросится в глаза читателям хотя бы из-за своего необычного размера.

Озабоченность пухлого человека объемом номера была встречена дружным хихиканьем.

– Спасибо, Костиков, – сказала Евгения, словно бы не заметив всеобщего веселья. – Так мы и сделаем, но я не думаю, что мы станем первооткрывателями. Так делают все. Я жду от вас чего-то принципиально нового.

– Тогда нужно изменить направленность журнала, ориентируя его на более широкие читательские массы, – заявила редактор отдела красоты и моды Юлия Красюк. – Можно ввести новые рубрики.

– Например? – прищурила один глаз Евгения.

– Например, то, что привлечет интерес обывателя в любом случае: слухи, сплетни, криминал...

– Криминал? – переспросила редактор и сразу же почувствовала, как ее уши полыхнули огнем. – При чем тут криминал? Тем более в глянцевого издания?

– Криминальная хроника – это беспроегранный вариант, – потирая руки, заявил редактор Шпунько, курирующий музыкальный отдел. – Даю на отсечение голову, если читатель пропустит что-нибудь горяченькое из зала суда. «Репортаж в наручниках»! Как вам идея?

– Я думаю, что это отвратительно, – немедленно отозвалась Шве́ц. – Мы позиционируем себя как журнал для современной, активной женщины, нацеленной на семью и карьеру. Как сочетаются со всем этим тюремный быт и жаргонные песни?

– «От сумы и от тюрьмы...» – развел руками Шпунько. – Хотите вы этого или нет, но следственный изолятор – это тоже неотъемлемая часть чьей-то жизни. Можно подумать, современные активные дамы застрахованы от уголовного преследования! Мало ли что может случиться? Например...

– Например, женщина, не справившись с искушением, возьмет взятку, – пыхнул Костиков. – По-моему, очень актуально, в свете борьбы с коррупцией.

– ... или убьет мужа, – нашла Красюк. – А что? Проблема домашнего насилия стоит сейчас остро.

– Среди наших читательниц нет потенциальных взяточниц и убийц! – заявила вдруг Васнецова, отвечавшая за раздел медицины и психологии. – Ну, правда же, Евгения Федоровна?

Швец проглотила комок в горле. Ей очень не понравилась тема этой дискуссии. Но прекратить словесный поток коллег сейчас было так же сложно, как пытаться, зайдя в горную реку, заставить ее течь в другом направлении. Поднятая тема взволновала всех.

К счастью, хлопнула дверь, и в комнату вошел Сбродов.

– Евгения Федоровна, у вас там проблемы с машиной... – начал он, но договорить ему не дала уже сама редактор.

– Перерыв десять минут, – сказала она, но присутствующие и не думали расходиться.

– Во! – обрадованно воскликнул Шпунько, словно получив порцию адреналина. – Чем не актуальная тема: «Женщина и автомобиль»?

Швец только покачала головой...

– Евгения Федоровна, вы утрясли все необходимые формальности со страховой компанией? – спросил Сбродов, обеспокоенно глядя на свою начальницу. – Если нужна моя помощь, только скажите.

– Пустяки, – отозвалась Евгения, отходя от стола, якобы для того, чтобы приготовить себе кофе. Она не хотела, чтобы их слышали посторонние. – Не стоит волноваться. Подумаешь, какая-то фара...

– Но повреждения серьезнее, чем вы думаете, – возразил Сбродов. – У вас разбиты крыло и капот. Не исключено, что найдутся и другие, внутренние поломки. Как вас угораздило? Вчера, насколько я помню, машина была цела.

– На то она и машина. Вчера – цела, сегодня – уже нет, – пробормотала Шве́ц, всеми силами стараясь скрыть свое смущение.

Сбродов уставился на нее. Должно быть, она говорила глупости.

– Еще мне показалось, что там спереди... кровь, – произнес он с запинкой. – Я наклонился, чтобы получше рассмотреть повреждения, и увидел бурые разводы. Ерунда какая-то, верно?

«Черт!» – мысленно отозвалась Евгения. Она уже проклинала себя за свой необдуманный поступок. Ей не следовало сегодня ехать в редакцию, пусть даже она сорвала бы заседание редколлегии. Гори он синим пламенем, этот юбилейный выпуск любимого журнала, когда на кону стоит ее собственное благополучие! Она могла сказатьсь больной или сослаться на свою маленькую дочь. Она могла заявить о кончине какого-то дальнего родственника или о внезапном потопе в собственном доме. Но ничего подобного она не сделала, а теперь, как последняя дура, стояла перед сотрудником, открыв рот, и не знала, что сказать в свое оправдание.

– Я... – голос Евгении сорвался. – Я сбила оленя. Вот почему и опоздала сегодня.

Глаза Сбродова округлились.

– Оленя?! – переспросил он недоверчиво.

– Да, – уже решительнее подтвердила она. – Я ехала по объездной дороге. Видимость была отвратительной. А он как раз и выскочил из леса. Я пыталась затормозить, но... тщетно.

– Бывает же такое! – удивился секретарь.

– А по-моему, ничего удивительного, – встряла в их разговор Васнецова. – Мой брат осенью налетел на корову. Было темно, и он не заметил препятствие. Чудом остался жив. Машину разворотило – страшно представить! А тут – олень... А вы сами-то хоть целы, Евгения Федоровна?

– Я?! Да... Кажется, – сказала она нерешительно.

– Может, вызовем врача? – спохватился предупредительный Сбродов. – Как бы чего не вышло.

– Кому врача? – выхватил фразу из разговора Шпунько.

– Никому, – отрезала Швец и вполголоса попросила: – Я не хочу, чтобы это стало достоянием гласности. – Не хватало еще, чтобы к их разговору присоединились сейчас все сотрудники редколлегии. У кого-нибудь хватит ума провести параллель с темой, которую они обсуждали только что, и журналисты ухватятся за горячий повод, да еще, вполне возможно, предложат посвятить ей отдельный материал. Некоторые умники, как пить дать, спустятся в паркинг, чтобы узнать, что может сделать с автомобилем олень: они будут вздыхать и удивляться, рассматривать кровь на капоте. А если они найдут там что-то еще? Волокна ткани, например... Ей придется заявить, что олень был в пальто?!

Евгения почувствовала, что ладони ее увлажнились.

– Ну и правильно, – одобрила Васнецова. – Нечего говорить всем. Но как вы думаете, олень занесен у нас в Красную книгу?

– Не знаю, – пожал плечами секретарь. – Считаете, могут возникнуть неприятности? А где это произошло, Евгения Федоровна?

– Где-то за городом. Я не помню, – уклончиво ответила она.

– Если у вас полная страховка, вы могли бы получить возмещение, – отозвался Сбродов. – Думаю, страховщики были бы в шоке. С ума сойти! Олень! Да это впору напечатать в рубрике: «Ну и ну!»

– Нет, у меня обычная страховка, – сказала нетерпеливо Евгения. – Ну, довольно об этом. Я достаточно натерпелась сегодня утром, чтобы еще раз переживать все это сызнова. Вернемся к совещанию...

После перерыва тему криминала больше поднимать не стали, и Швец почувствовала невероятное облегчение. Коллеги переключились на предложение Красюк включить в журнал новую рубрику «Слухи».

– Женщины всегда любят обсуждать различные слухи о звездах, и мы можем им помочь, – убежденно говорила Юлия. – Например, читательница присылает нам письмо, в

котором спрашивает: правда ли, что актер А ушел к актрисе Б? Мы берем интервью у актера А и даем компетентный ответ.

– Слухи – это вообще часть женской природы. С этим вы точно не поспорите, Евгения Федоровна, – ухмыльнулся Шпунько.

– Все зависит от женщины, – остудила его Швея, но на всякий случай добавила: – Я не буду сейчас спорить относительно женских привычек и наклонностей, но я категорически против того, чтобы превращать «Софию» в бульварную прессу! Думаю, я сделала уже вполне достаточную пощадку вам, когда позволила ввести в журнал страничку светской хроники...

«Светская хроника» была зубной болью для Евгении, поскольку она полагала, что серьезному изданию не пристало публиковать на своих страницах подобные материалы. Яркие фотографии звезд и разного рода звездулес, плодящихся в последнее время, как кролики в неволе, придавало журналу оттенок желтизны. Но издатель считал, что они должны вовремя улавливать новые веяния читательских интересов и давать современной женщине все то, о чем она хотела узнать.

– Я могу показать вам фото с последнего собрания кинематографистов, – обиженно молвила Красюк и даже потянулась к сумке, чтобы выудить оттуда пачку ярких снимков. – Вы убедитесь, что они великолепны. Бульварная пресса! Взгляните на качество...

– Только не сегодня, – остановила ее Евгения нетерпеливым жестом. – Рассмотрим все в рабочем порядке. Мне не хочется превращать заседание коллегии в балаган.

Она знала, что члены редколлегии, как малые дети, уцепятся за яркие картинки, и на этом плодотворной работе придет конец. Все начнут обсуждать наряды знаменитостей, их внешний вид, судачить по поводу их новых романов, внебрачных связей и беременностей.

К своему неудовольствию, она понимала, что невольно ускоряет темп обсуждения, стараясь побыстрее свернуть совещание. Евгения готовилась к нему две недели, а сейчас действовала так, словно хотела избавиться от редакторов как можно быстрее и остаться наедине со своими мыслями. Ей было не под силу вести собрание, оценивать идеи коллег, ставить на обсуждение насущные вопросы, тогда как все ее мысли были заняты проблемами, весьма далекими от издательского бизнеса. Где-то там, в нескольких десятках километров от их офисного здания, сейчас лежало тело человека, которого она сбила сегодня утром. Должно быть, оно уже остыло, окоченело...

Евгения содрогнулась, представив себе стеклянный взгляд мертвеца.

– С вами все в порядке? – спросил Сбродов.

– Вполне, – ответила она, понимая, что пропустила большой кусок обсуждения. Члены редколлегии смотрели на нее и, должно быть, ждали какого-то ее решения или распоряжения.

– Тогда как вы оцениваете нашу последнюю инициативу? – задала вопрос Красюк. – Мне показалось, что вы не против.

Еще бы она была против, если последние пятнадцать минут перед ее глазами стояло опрокинутое лицо человека с волосами, испачканными в крови! Гул обсуждения коллег слился в ее сознании с шумом зала судебного заседания, откуда ее выводили в наручниках.

– Да, мне показалось, что ваше последнее предложение – это уже кое-что, – сказала она с запинкой. – Представьте мне его в письменном виде, и тогда мы обговорим с вами детали.

– Как скажете, Евгения Федоровна, – пожала плечами Красюк, переглядываясь при этом со Шпунько.

– На этом заседание редколлегии объявляю закрытым, – заявила Швея, решительно захлопнув свою рабочую папку.

Журналисты, переговариваясь, потянулись к выходу. Тем не менее кое-кто подошел к Евгении – решить текущие вопросы. Появилась бухгалтер, а вместе с нею и художник. Они

все спрашивали и спрашивали ее о чем-то, кто-то совал ей на подпись документы, кто-то жаловался на необязательность некоторых сотрудников.

Обычно Швец гордилась своим умением быстро улаживать подобные проблемы. Вооружившись телефонной трубкой, блокнотом и ручкой, она обзванивала коллег, давала им точные указания и никогда не забывала контролировать их исполнение. Сложные вопросы, требующие дополнительного изучения, она «делегировала» Сбродову, оставляя за собой право принятия окончательного решения.

Так было всегда, но только не в это утро. Сегодня Евгения была выбита из колеи и мечтала только о том, чтобы ее оставили в покое. Однако поток просителей не иссякал, и она совсем выбилась из сил, решая эти проблемы весьма неэффективно, а по сути, перекладывая их на потом.

Наконец за последним посетителем захлопнулась дверь, и она в изнеможении откинулась на спинку кресла. Рука автоматически потянулась к телефону. Она хотела позвонить мужу и выплакаться вволю. На экране высветились привычные цифры, но в последний момент она дала отбой. Ну, что она скажет ему? *«Слушай, я сегодня утром сбила человека»*.

Такие вещи по телефону не говорят. Потом – мало ли что! Вдруг их кто-нибудь прослушивает? Только этого еще не хватало! Следовало дожидаться окончания рабочего дня и обсудить ужасную новость дома. Но, боже мой, сколько времени еще оставалось до вечера! Круглые часы на стене показывали два, и в лучшем случае она сможет добраться домой только к семи вечера.

Позвонила секретарша Аллочка и спросила, думает ли ее начальница идти на обед. Хорошая девочка! Она всегда беспокоилась о ее желудке. Или, может, о своем? Услышав, что Евгения собирается поработать в перерыв, она сообщила, что отправляется в кофейню за углом, «всего на полчаса», а когда вернется, то принесет ей сандвич с курицей.

Начальница эту сделку одобрила, понимая, впрочем, что обещанного сандвича ей придется ждать часа полтора, поскольку под «обедом в кофейне» Аллочка понимала общение с подружкой из соседнего офиса. Девчонка была не в меру болтлива, хотя со своими обязанностями по работе справлялась неплохо. Приходясь племянницей издателю, она могла себе позволить некоторые вольности, не опасаясь, что ее место отдадут другому, более преданному делу сотруднику.

Хлопнула дверь, и Евгения осталась одна. Подойдя к окну, она долго рассматривала бесконечный поток машин, растянувшийся по всему проспекту. Дождь со снегом прекратился, и в воздухе мелькали лишь отдельные снежинки. Похоже, синоптики не ошиблись в прогнозе. К вечеру мостовые подморозит, и город превратится в каток. Серое набухшее небо, готовое разверзнуться снегопадом в любой момент и вывалить на головы прохожих мириады снежной пыли, казалось теперь Жене мрачным предзнаменованием ее грядущих неприятностей.

Она вдруг подумала, что сейчас хмурый следователь где-то решает вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении преступника-водителя, заранее оценивая перспективы. Что, если он уже знает, кого следует арестовать? Евгения почувствовала, как по ее спине пробежал холодок. Интересно, почему она решила, отсиживаясь в своем офисе, что она находится в безопасности и ей ничто не грозит? А если на месте происшествия был кто-то, кого она не заметила? Ведь могло быть и такое! Предположим, пострадавший был не один. Его спутник вышел из леса несколькими минутами позже и заметил лишь номер отъезжающего автомобиля. Разумеется, он сразу сообщил об этом работникам милиции, и в настоящий момент они устанавливают, кому принадлежит машина. Ну, с этим-то проблем у них не возникнет. У Евгении нет путаницы в документах. Автомобиль принадлежит ей. Она не ездит по доверенности. Значит, с минуты на минуту ей следует ожидать визита непрошенных гостей?

Она представила, как они проходят в офис, спрашивают у охранника номер ее кабинета и без стука заходят внутрь. Они покажут ей свои документы, зададут пару формальных вопросов, а потом последует неизбежное: «Просим пройти за нами». Наденут ли они на нее наручники? Скорее всего да. Ведь от водителя, скрывшегося с места происшествия, можно ожидать какой угодно прыти. Они поведут ее по коридору под недоуменными взглядами подчиненных, и охранник по привычке скажет: «До свидания, Евгения Федоровна». Она печально улыбнется: «Скорее всего прощай. Поскольку она не вернется сюда, если даже суд назначит ей условную меру наказания. Во-первых, никому не нужны работники, побывавшие под следствием и судом. Тем более главные редакторы с неблагонадежной репутацией. Во-вторых, она сама не сможет работать под одной крышей с теми, кто увидит на ее лбу позорное клеймо – «ранее судима». Ее карьера окажется испорченной раз и навсегда. Из этой грязи ей уже не суждено подняться...

Потом ей пришло в голову, что пострадавшего еще не нашли и он до сих пор лежит на обочине, укрытый белой снежной порошей. Тогда свидетелей ее поступка скорее всего не существует, и она может вздохнуть свободно.

Евгения вздохнула, но вместо облегчения почувствовала боль в груди. Нет, с сердцем у нее был полный порядок, и опасаться приступа не было никаких оснований. Но что-то теснило ей грудь. Не давало спокойно дышать. Впечатление было такое, что ее придавили каким-то неподъемным грузом. Конечно, она могла шевелить руками и ногами, но вот только выбраться из-под этой тяжести не могла никак. Может, это и называют «грузом вины»? Как она может спокойно ходить, дышать, смеяться, заказывать на обед сэндвич с курицей, обсуждать пустые статейки в своем глянцевого журнале, если тот, кого она убила сегодня утром, еще даже не обрел вечный покой?

А если он остался жив? И лежит сейчас, истекая кровью, ожидая помощи, которая никогда не придет? Сквозь кровавую пелену, застилающую его глаза, он смотрит на пролетающие мимо со свистом автомобили, беззвучно шевелит губами. Но темная масса его тела плохо различима на грязной обочине, а выпавший снег, укрывший его белым саваном, и вовсе делает его похожим на сугроб. Хотя, даже если он остался жив тогда, к этому моменту он уже наверняка истек бы кровью или замерз. Много ли надо человеку хотя и в теплый, но все же январский день? И в его смерти будет виновна опять-таки она, потому что, окажи она ему своевременную помощь, доставь в больницу, и он остался бы жив. На какой-то момент ей захотелось, бросив все, вернуться на место происшествия и убедиться, что тела там уже нет. Она не могла сказать, зачем ей это надо, но ей безумно хотелось вновь оказаться там. Может, правду говорят про преступников, возвращающихся на место своего преступления? Быть может, это позволяет им найти некое душевное успокоение? Еще раз пережить то, что с ними произошло? Бр-р-р... Она не желала еще раз прокручивать в своей памяти ужасный сюжет! Она просто хотела убедиться. Убедиться в чем? Что это было на самом деле? Что ее помощь больше никому не нужна? Что ее не ожидает в этом месте милицейская засада?

Какая разница! Евгения вытащила из шкафа пальто, проверила, в сумочке ли ключи от машины. Она решила поехать туда. А там... Будь что будет!

Но не успела она взяться за ручку двери, как в проеме возникла Аллочка. Уставив испуганные глаза на начальницу, она пролепетала:

– Не дождалась, Евгения Федоровна? А я вам сэндвич принесла. С курицей не было, так я взяла с индейкой. Это вам подойдет? Разница ведь небольшая. Кроме того, индюшатина – это диетический продукт.

Швец сейчас было все равно, даже если бы сэндвич оказался с собачатиной. Она приняла решение и намеревалась действовать быстро. Но секретарша вдруг заметила:

– Не советую вам сейчас куда-то ехать. Страшные пробки! К тому же милицейские машины так и снуют повсюду со своими мигалками. Должно быть, в городе что-то произошло.

Ее слова словно ушатом холодной воды обдали Швеца. В самом деле, куда это она собралась? Что она забыла на месте происшествия? Кому она хочет помочь? Да она сошла с ума, если вдруг решила вернуться туда, откуда еще утром удирала без оглядки! Ей что, не терпится попасть в тюрьму?

– Пожалуй, я действительно останусь, – сказала она, беря сэндвич из рук секретарши. – Тем более что у меня есть чем заняться.

Она захлопнула дверь и вновь упала обратно в кресло. Дела-то у нее имелись, вот только заниматься ими у нее сейчас не было ни желания, ни способности. Она так и сидела, не сводя глаз с секундной стрелки, которая описывала один круг за другим, неспешно отмеряя время до конца рабочего дня.

Когда уборщица вечером проверяла мусорную корзину, она нашла там так и не распечатанную булку с индейкой...

Глава 3

К своему дому Евгения подъехала после семи вечера, и, подавив в себе желание немедленно броситься внутрь со слезами и плачем, еще какое-то время сидела в машине. Падая снег, и ее жилище с укутанной снегом крышей казалось ей сейчас пряничным домиком из сказки. Фонари отбрасывали световые блики на фасад, а елка на центральной клумбе мерцала цветными огоньками. Все было, как в Новый год, который они по традиции отметили всей семьей. Только тогда они были счастливы и, загадывая желания под звон курантов, и представить себе не могли, что произойдет в их жизни всего лишь через две недели.

Евгения хотела продлить состояние покоя для своей семьи хотя бы всего на несколько минут, ведь, когда она сообщит новость мужу, их спокойной, размеренной жизни придет конец.

Рассматривая освещенные окна дома, она гадала, чем занимаются сейчас ее любимые домочадцы. Должно быть, они как раз приступили к ужину, и муж проверяет, чисто ли вымыла руки Василиса. Их крошка вертится, строя смешные рожицы, и наотрез отказывается брать в руки мыло, которое так щиплет глазки. Ну, а Иван, как обычно, сидит сейчас за компьютером, и к столу его придется приглашать несколько раз, пока он не соизволит спуститься вниз, хмурый и недовольный тем, что его прервали, как всегда, не вовремя. Нурия суется у плиты, раскладывая в тарелки жаркое и попутно проверяя, заварился ли чай. Хозяин не садится за стол без большой кружки чая с лимоном и слушать не хочет, что запивать еду вредно. «Что за ерунду ты говоришь? – недоумевает он. – Как это – вредно? Посмотри на меня! Я что, похож на больного человека?» Нет, конечно. О нем этого точно не скажешь. Он мог бы стать ходячей рекламой черного цейлонского чая, всем своим видом смущая поклонников травяных лечебных настоев.

Евгения рассматривала свой дом, который они создавали вместе, и слезы закипали у нее на глазах. Здесь все казалось ей родным, близким и знакомым. Неужели ее вырвут из этого домашнего рая и бросят за решетку?! Она обычно так торопилась покинуть свой семейный очаг, спеша по делам на работу, а сейчас она отдала бы все на свете, в том числе и свою любимую «Софию», только чтобы остаться здесь навсегда! Она читала бы Василисе сказки, писала бы курсовые для Ивана... Ну, а для мужа она готовила бы потрясающие блюда и смиренно, как и подобает идеальной жене, дожидалась бы его вечерами дома. Эта жизнь была бы спокойной и размеренной, в которой каждый наступающий день похож на предыдущий. Может быть, в этой незыблемости и кроется счастье? Что толку от этих ее творческих амбиций, бесконечного поиска новых решений – как бы оставить позади конкурентов? Какая выгода ее близким от деловых переговоров, которые она проводит столь искусно, от ее ежедневной гонки между домом, офисом и детским садом? Что получает от нее Василиса, когда обессиленная мать наконец добирается до дома и сообщает ей: «Поиграй со своими игрушками, детка. Видишь, твоя мамочка устала». И ребенок послушно плетется в детскую, волоча за собой по полу плюшевого зайца. Чем живет Иван? Ведь он уже не ребенок, и в его возрасте некоторые парни уже всюю встречаются с девушками. Он о чем-то секретничает с отцом, а тот в ответ на ее вопросы только машет рукой: «Это наши мужские проблемы, дорогая! Не забывай себе голову». Какие у ее мальчика могут быть мужские проблемы? Было ли у нее время об этом узнать... А ее муж? Разве Александр заслуживает того, чтобы она засыпала раньше, чем он ляжет в постель? «Извини, мне завтра рано вставать», – скажет она, едва ворочая языком, и сонно улыбнется в ответ на его поцелуй. «Я всегда знал, что нужно жениться на домохозяйке», – ворчит он, гася свет. И так день за днем они бездумно расходуют время, полагая, что у них впереди еще целая жизнь и они успеют еще сказать друг

другу нежные слова. Но неизбежно наступает момент, когда все вдруг становится поздно, и горькая волна раскаяния охватывает все твое естество, и ты понимаешь, что поезд ушел.

Евгений Швец не хотелось верить, что этот момент в ее жизни уже наступил...

Как она и ожидала, семья оказалась в полном сборе. Сидя в столовой за круглым столом, ее домашние ужинали.

Евгения без сил опустилась на стул, даже забыв снять пальто.

– Эге! – насмешливо произнес Александр. – Наша мама, видно, сегодня переработала.

– Мам, у тебя вид, словно ты добиралась до дома пешком, – отозвался сын, подтверждая впечатление отца.

Она не могла тут же, не сходя с места, выложить им причину своего расстройства, тем более за столом были дети. Хорошо еще, что Нурия ушла сегодня пораньше и у Евгении не возникло необходимости объясняться еще и с ней.

– У меня был трудный день, – только и нашла что ответить она. Сейчас Евгения говорила истинную правду, и ее серое изнуренное лицо, на котором не было видно и грамма румян, только подтверждало ее слова.

– Ты что, не будешь есть? – спросила ее Василиса.

– Нет, милая, я обедала на работе, – соврала она, вспомнив про нетронутый сандвич.

– Я тоже обедала в садике, но я же ем сейчас, – заявило несносное дитя, глядя на нее синими отцовскими глазами.

– Устами младенца... – проговорил Александр. – Ты уверена, что ничего не будешь? Если хочешь, я могу разогреть суп.

– Нет, спасибо, – сказала она. – Не беспокойтесь обо мне...

Чтобы ее не доставали вопросами, она положила в свою тарелку остатки салата и теперь задумчиво ковыряла его. Хорошо, что детям было о чем рассказать. Василиса болтала, вспоминая о том, что сегодня в их группу пришла новая девочка и она уже успела с ней подружиться. Иван затеял долгий разговор о предстоящем хоккейном матче, и они с отцом строили различные прогнозы, причем готовы были спорить до хрипоты, каким окажется счет. Евгения обычно не интересовалась ни футболом, ни хоккеем, но сегодня она готова была слушать их часами. Она даже не делала замечаний дочери за то, что та говорит с набитым ртом и не пользуется салфеткой. Ужин тянулся бесконечно, но, когда она посмотрела на часы, оказалось, что прошло только сорок минут после ее прихода. Чтобы чем-то занять себя и не гонять по тарелке зеленый горошек, она принялась мыть посуду. Но мысли ее витали далеко за пределами раковины, поэтому вскоре одна из тарелок уже оказалась на полу, разбитая вдребезги.

– Это к счастью, – заметил Иван, а она только покачала головой, сдерживая подступающие к глазам слезы. Она так долго крепилась весь этот бесконечный день: терпеливо отвечала на вопросы коллег и телефонные звонки, общалась с секретарем, охранником, гаишником и бог знает с каким количеством посторонних людей, когда на ее душе скребли кошки и ей хотелось выть. Она сохраняла хорошую мину и даже улыбалась в нужных местах, но сейчас, когда она приехала домой и ощутила себя в кругу близких людей, только одному из которых она могла сказать правду, ей стало совсем невмоготу. Ей хотелось выговориться, выплакаться, спросить совета, а вместо этого она, как проклятая, натирала до блеска кухонным полотенцем посуду и старалась адекватно отвечать на вопросы детей.

– Что с тобой происходит? – спросил Александр, беря ее за руку. – Ты что, так расстроилась из-за этой тарелки, будь она неладна?

Она покачала головой и посмотрела на детей, которые уже закончили трапезу.

– Ну, вот что, милые, – обратился к ним отец. – Шагом марш к себе! Иван, проследи за сестрой, чтобы она убрала игрушки. Потом отведи ее в ванную. Затем прочитай ей сказку и уложи спать.

– Можно подумать, что это моя дочь, – хмуро отозвался Иван, но, взглянув на решительное лицо отца, на расстроенную мать, только пожал плечами. – Ну, да ладно. Это ведь я просто так сказал.

Дети, громко разговаривая, наконец убрались из кухни.

– Пошли в спальню, – сказал Александр. Это было единственное место, где они могли остаться наедине и спокойно поговорить. Это была их *личная* территория, вход на которую детям был категорически воспрещен...

Они остались вдвоем, и Евгения, весь день мечтавшая об этом разговоре, растерялась. С чего начать? Слова не шли у нее с языка, потому что все, что она собиралась сейчас сказать мужу, было таким диким и нереальным.

– Я понимаю, это прозвучит ужасно, – вдохнула она в себя как пловец, готовящийся к прыжку в воду. – Но ты должен знать, что произошла кошмарная вещь... Сегодня утром... В общем, я сбила человека!

Она произнесла последнюю фразу на одном дыхании и впиалась глазами в лицо мужа, ожидая, что последует за ее признанием. Он мог не поверить, накричать на нее, испугаться до обморока. Мало ли что могло с ним произойти.

– Фу-ты! А я уж думал, что ты решила меня бросить, – отшутился Александр, но глаза при этом у него были серьезные. – Рассказывай, что случилось?

– Я ехала по объездной дороге, – начала она. – У меня было время и не было желания стоять в пробках. Потом я увидела на дороге какое-то животное, притормозила. У меня заклинило колеса, а тут откуда не возьмись передо мной возник человек. Я ничего не могла сделать, и он отлетел в сторону...

– Он жив?

Евгения только покачала головой:

– Я не знаю.

– То есть как это – ты не знаешь, жив он или нет? – спросил Александр.

– Вот так! Я не знаю! Я просто уехала с места происшествия, и все, – сказала она обреченно. – Мне трудно объяснить, но я была в таком шоке! Я действовала по инерции. Я мчалась вперед как угорелая, ожидая, что в любой момент меня догонит милиция.

– Но тебе удалось скрыться, как я понял? – уточнил он, прищурив глаза. – Иначе ты бы не сидела здесь?

– Да. Конечно.

– Но откуда там мог взяться человек? – с недоумением спросил он. – Ты же говоришь, что ехала по лесу?

– Да, это случилось в безлюдном месте, хотя там где-то неподалеку находился населенный пункт. Это было возле поселка Клепино. Там даже указатель стоял. Я помню. Но какая, черт возьми, разница, откуда он там взялся, этот человек? Факт, что он там был и его сбила я!

Александр с сомнением посмотрел на жену, словно опасался за ее рассудок. Она находилась на грани истерики. Последнюю фразу она произнесла, едва ли не крича и уже не заботясь о том, что ее могут услышать дети.

– Тише, тише, дорогая, – попросил ее он, присаживаясь рядом и обнимая ее за плечи. – Ну, к чему кричать? Просто я хочу разобраться.

– Разобраться в чем? – спросила она, и крупные слезы заструились по ее лицу.

– Тебе не могло показаться?.. Я хочу спросить, точно ли ты уверена, что сбила человека?

– Да, если ты сомневаешься, выйди и посмотри на мою машину. У нее разворочен капот! – зло сказала она. – Хочешь мне сказать, что такие следы оставляют привидения?

– Ну, я тоже не верю в потусторонние силы, – заметил он. – Но повреждения на машине не всегда связаны с наездом на пешехода. Ты могла сбить животное. Ты могла, например, заснуть за рулем и очнуться от удара о какое-нибудь препятствие. Тут уж что только не померщится!

– Я бы тоже хотела, чтобы все это оказалось лишь сном, – горько ответила она. – Но на машине есть следы крови, и она принадлежит живому существу. Кроме того, я тебе еще не сказала, что остановила машину и увидела его...

– Кого?

– Лежащего на земле человека. Он не шевелился, и я побоялась приблизиться к нему. Я позвала его несколько раз, но он не отозвался.

– Кто это был? Мужчина? Женщина?

– Если бы знать! – воскликнула она. – Я видела только скрюченное тело, бесформенную массу. Его лицо было закрыто капюшоном.

– Значит, ты видела его, но даже не подошла, чтобы проверить, жив он или мертв? – переспросил Александр. – Ты просто села в машину и уехала?

– Да, – проглотила комок в горле Евгения.

Она услышала в вопросе мужа осуждение, но была готова к нему. Сбить человека – и из-за трусости даже не удостовериться в том, жив он или нет, нужна ему медицинская помощь или ему уже ничего не поможет, было непростительно даже для жены. А ведь Женечка Швец любила порассуждать о порядочности, о людской чести и предательстве. Она посвящала свои статьи людям, сумевшим выстоять в тяжелых жизненных обстоятельствах. «В жизни всегда есть место подвигу», – любила повторять она. И что же теперь? Сбив человека, она удрала с места происшествия, испугавшись, что ее привлекут к ответственности и осудят. Она побоялась, что на нее посмотрят косо, с ней никто не захочет иметь никаких отношений. Но какое ей дело до всех остальных, если ее осуждает самый близкий и любимый человек, ее муж? Он разочарован, хотя пока что пытается скрыть это. Но как это скажется на их отношениях? Сможет ли он любить ее, как раньше, зная, что в критический момент она задумается лишь о собственном благополучии? И, движимая безотчетным страхом из-за того, что она может его потерять, Женя начала сбивчиво искать себе какие-то оправдания:

– Сашка, я не знаю, как это произошло. Я в тот момент была как помешанная! Шутка ли сказать... Человек! Конечно, я должна была проверить его пульс, оказать ему помощь. Хотя что я умею? Во всяком случае, я могла довезти его до больницы. Но мне вдруг стало страшно! – Она закрыла лицо руками и замотала головой, словно отгоняя прочь видения ее сегодняшнего утреннего кошмара. – Так страшно, как никогда в жизни! Я побоялась подойти к нему, не решилась заглянуть ему в лицо. Что бы я там увидела? Кровавое месиво?! Боже мой, я действовала как идиотка! Стояла, смотрела на него. Кажется, плакала. Но что было ему до моих слез? Конечно, ты осуждаешь меня, и имеешь на это полное право. Я сама осуждаю себя. Ты бы, конечно, поступил по-другому. Не то что я...

Евгения говорила взахлеб. Слова обгоняли друг друга, словно она боялась, что он не дослушает ее до конца, прервет ее исповедь каким-нибудь резким замечанием. Его лицо и вправду казалось ей чужим, мраморным. Должно быть, Александр просто не знал, как реагировать на неожиданное признание жены.

– ...зачем я вообще поехала этим лесом? Зачем я не стояла в пробке, как все нормальные люди? Почему я мечтала за рулем? Почему я была так неосмотрительна? Знаешь, теперь всю жизнь мне придется отвечать на эти бесконечные «почему» и «зачем». Но самое главное, что меня сейчас гнетет больше, всего: почему я не попыталась оказать ему помощь?

– Не глупи, – вдруг негромко сказал он. – Я вовсе не пытаюсь осудить тебя. С чего это вообще пришло тебе в голову? Вместо того чтобы спасать незнакомого человека, ты стала спасать себя. Это обычные, заложенные в человека самой природой инстинкты. Но теперь мы должны подумать, как обезопасить тебя на будущее...

Она не поверила своим ушам.

– Ты хочешь сказать, что не осуждаешь меня за убийство?!

Он поморщился:

– Выбирай правильные выражения. То, что ты совершила, на языке закона убийством не является.

– Но все-таки это – преступление? – настаивала она.

– А если это несчастный случай?

– То, что я бросила его одного на дороге, – это уже не несчастный случай. Это мое преступление. Я обрекла его на смерть так же, как это сделала бы, пырнув его ножом.

– Но ты же этого не хотела?! Какое же это преступление?

– Я должна была оказать ему помощь, но не сделала этого! Не пытайся меня успокоить, уверяя, что ничего страшного не произошло. Я – взрослая женщина и могу оценивать свои поступки. Зачем ты мне говоришь то, во что сам не веришь? Ведь ты сейчас в ужасе, да? Ты не ожидал, что я поступлю таким образом? Так к чему тогда весь твой такт? Зачем ты мне морочишь голову своими утешениями? Если хочешь, ругай меня, называй убийцей, но не разыгрывай из себя моего адвоката...

Александр разволновался. Он принялся ходить по спальне взад и вперед, выслушивая самобичевания жены.

– Все! Баста! – сказал он и изо всех сил, стукнул ладонью по столику.

Фарфоровые статуэтки, которые так бережно коллекционировала Евгения, жалобно звякнули. Они привыкли к более нежному обращению.

– Пора закончить дискуссию, пока мы оба не сошли с ума! К чему сейчас этот диспут на темы морали? Историю обратно не переиграешь. Надо думать о твоём спасении. Кстати, кто-нибудь в курсе произошедшего? Надеюсь, ты не растрепала эту новость своим подругам и подчиненным?

Женя проглотила обиду. Должно быть, ее милый муж и в самом деле считает, что она способна обсуждать с коллегами или друзьями такое ужасное происшествие, закусывая эклерами в кофейне на углу.

– Вообще-то я после всего этого поехала на работу, – начала она.

– Ну, и... – угрожающе произнес он, уже ожидая подвоха.

– И мою разбитую машину видели секретарь Сбродов и охранник паркинга.

– Черт! – стукнул себя по колену Александр. – Может, они ничего не заметили?

Женя повесила голову.

– В том-то и дело, что заметили! – простонала она. – Сбродов ставил мою машину в паркинг, а потом пришел мне сообщить, что на бампере есть кровь. Должно быть, они осматривали машину вместе с охранником.

– Ну, и что сказала им ты?

– Я сказала, что сбила оленя.

– Оленя?!

– Ну, да. Там же был лес. Мне показалось, что версия с оленем прозвучит правдоподобно. Потом наш разговор со Сбродовым услышала коллега. Это произошло случайно...

– Отлично! А ты, случайно, не опубликовала эту новость в своем журнале под рубрикой «Происшествия»? – возмутился Александр. – Или ненароком не выступила на радио или телевидении с обращением к гражданам о том, что следует опасаться диких оленей? Такое впечатление, что ты решила привлечь к делу максимальное число свидетелей!

– Это получилось глупо, – согласилась она. – Но я же не матерая преступница, умеющая профессионально заметать следы.

– Все когда-нибудь случается в первый раз, – философски заметил Александр. – Но довольно об этом. Как ты думаешь, этот твой Сбродов – надежный человек? Может он кому-нибудь проболтаться?

Евгения вздохнула. Нужно было быть полной кретинкой, чтобы доверять Сбродову.

– Он сам себе на уме. Очень хитрый, расчетливый. А еще он мечтает о кресле главного редактора.

– Ну, тогда поздравляю, – отозвался муж. – Он будет идеальным свидетелем обвинения. Мечта прокурора!

– А что, там и прокурор будет? – испугалась Евгения.

– Обязательно! – пообещал муж. – Если мы что-нибудь не придумаем... Пойдем-ка в гараж. Нужно осмотреть машину...

Стараясь не шуметь, супруги спустились на первый этаж и через боковую дверь в самом конце коридора прошли в гараж. Машина Евгении стояла в теплом и уютном боксе, и при ярком электрическом свете ламп следы аварии выглядели ужасающе.

Оскалившись решеткой радиатора, ее милый «БМВ» показался ей сейчас хищным чудовищем, сожравшим одного человека и теперь покушавшимся на нее саму. Одна фара у автомобиля была разбита, словно, защищаясь, бедняга ранил чудовище прямо в глаз.

Александр присвистнул:

– Вот это да! Если бы речь шла только о капоте...

Он обошел машину кругом, затем снова вернулся к ее переду. Встав на колени, он заглянул ей под днище, посветил фонариком. Не сообщив жене о результатах своего осмотра, он поднялся на ноги, отряхнул руки, затем поочередно начал открывать и закрывать двери.

– Только бы стойки не повело, – сказал он озабоченно.

– Но дверцы вроде бы закрываются, как обычно, – удивилась Женя.

Он посмотрел на нее серьезно:

– Машине требуется ремонт. Не знаю даже, сможем ли мы сейчас себе это позволить.

Она возмутилась:

– У меня проблемы, а ты думаешь о ремонте! Как бы то ни было, это всего лишь железа, которой я сегодня убила человека...

– Сбила человека, – поправил ее Александр.

– ... для меня нет разницы! – отгрызнулась она. – Я совершила преступление, а ты думаешь только о том, где взять деньги для починки. Да мне скоро понадобятся деньги на адвоката, бесчувственный ты человек!

– Очень приятно слышать подобный комплимент от своей жены, особенно когда ты всеми силами пытаешься оказать ей услугу, – сказал он насмешливо. – Завтра я загоняю машину к Тофику... – Он увидел, что она опять хочет ему что-то сказать. – И не возражай! Ты достаточно сегодня натворила глупостей. Что смотришь? Я собираюсь избавиться от главной улики. От машины! Пусть он снимет бампер, ошкурит ее. Пусть она постоит пока в автосервисе. Чем страшнее машина будет выглядеть, тем лучше. Потихоньку отремонтируем. Не бойся, Тофик – свой человек. Не привык задавать вопросы, как некоторые твои ответственные секретари. Черт подери, почему ты сразу не вернулась домой? Зачем поехала на работу?

– У меня была назначена редколлегия, – пробормотала Евгения, чувствуя себя идиоткой. – Кроме того, я подумала, что мое отсутствие на работе может вызвать подозрения. Это что-то типа алиби... Саш, я говорю ерунду?

Он смотрел на нее так, словно хотел крепко выбрать, но в конце концов понял, что от этого сейчас не будет толку. Его жена была измотана до предела, и его суровая отповедь вызвала бы только новую волну слез.

– Ладно, – сказал он. – Тебе нужно отдохнуть. Отправляйся спать, ну а завтра, как водится, поезжай на работу. О машине не беспокойся... О боже, да не смотри ты на меня так! Ни о чем не думай. Так лучше? Если тебя спросят – скажешь, что машину отдала в ремонт. Да держись там как-нибудь попроще. Представь, что ты и в самом деле сбила оленя.

Евгения почувствовала страшную усталость. У нее просто не было сил спорить, что к гибели животного под колесами своего автомобиля она отнеслась бы так же болезненно. Но тогда она не покинула бы место происшествия, а сделала бы все возможное, чтобы вызвать на помощь людей. Почему же она не поступила так по отношению к человеку? У нее не было ответа на этот вопрос. Она только страшно хотела спать. Она смертельно устала для того, чтобы сейчас думать. Может быть, завтра все станет гораздо проще?

Она кивнула головой мужу, что означало полное согласие со всем, что он ей сказал, и поплелась в свою комнату. Последнее, что она представила себе, перед тем как унести в страну сновидений, было страшное, незрячее лицо мертвеца...

Глава 4

Спала она дурно, хотя и без кошмаров. Проснувшись по звонку своего будильника, она не сразу смогла вернуться в реальность. Дома все было, как и прежде. Тихо, темно и очень уютно. Она попыталась припомнить, отчего у нее так нерадостно на душе, и воспоминания вчерашнего дня накатили на нее подобно скорому поезду, вылетающему из туннеля. Она сбила человека! Сейчас это показалось ей еще более диким и нереальным, чем накануне. Утреннее происшествие, погоня, многочасовая пытка в офисе и вечерний разговор с мужем казались ей такими далекими, словно произошли они когда-то очень давно и вовсе не в ее жизни. Ей захотелось снова упасть на подушку и забыться сном. Она позавидовала тем людям, которые умело используют алкоголь как средство борьбы с неприятными воспоминаниями. У нее же выпитая рюмка крепкого напитка не вызывала ничего, кроме тошноты и раздражения.

Евгения встала и поплелась в ванную комнату. Встав под упругие струи душа, она попыталась настроить себя на позитивный лад. У нее не получилось. Тогда она сменила температуру воды на экстремально холодную и уже через минуту выскочила из кабинки, стуча зубами.

В ванную зашел Александр. Высокий, прекрасно сложенный, он выглядел, как греческий бог, особенно в полотенце, обернутом вокруг бедер. Посмотрев на необычайно бодрую для раннего январского утра жену, он улыбнулся:

– Прекрасно выглядишь, милая. Что это ты сегодня поднялась чуть свет? Могла бы еще и поваляться с полчаса.

Действительно, что ей так вдруг приспичило проснуться ни свет ни заря? Евгения почувствовала, что готова завестись с полуоборота. Он наверняка издевается над ней! Как можно валяться в постели, зная, что тебя уже ищут, как беглую преступницу?

– Ты, случайно, не забыл, что вчера произошло? – спросила она его.

Он секунду смотрел на нее с недоумением, видимо не понимая, чем вызван ее резкий тон, но потом его лицо разгладилось. Он вспомнил.

– А! Ты говоришь о том случае...

– Да, именно об этом случае я и говорю! – едко заметила она.

– Тебе не о чем беспокоиться. Я сейчас же займусь твоей машиной, – заверил ее он. – Правда, тебе пока что придется пользоваться такси.

– Плевать мне на машину! Я не нахожу себе места, а ты ведешь себя так, словно ничего серьезного не произошло. Словно я разбила столбик на парковке.

– А чего ты от меня хочешь? – Он непонимающе посмотрел на нее.

Она даже растерялась. Действительно, чего?

– Ну, я не знаю... Понимания, сочувствия, наконец! Но не этого твоего веселого расположения духа и улыбки до ушей.

– По-моему, ты склонна к излишней драматизации, – сказал он, заходя в душевую кабинку. – Я хочу оказать тебе реальную помощь, а ты ждешь, чтобы я осушал твои слезы.

– Ты мог бы понять, как мне тяжело!

– А я это понимаю и говорю тебе, что мне очень жаль. Если бы я смог что-то изменить, я бы это сделал. Но что сейчас толку выражать тебе соболезнования, если то, что должно было произойти, уже произошло? И слезами тут делу не поможешь.

Евгения понимала, что муж прав и что сейчас она, вымогая его сочувствие, просто пытается перевесить на него часть своей тяжелой ноши под названием «ответственность». Но ее супруг, как бы черство сейчас он себя ни вел, все же не совершал преступления и не

давил людей. Это она лишила жизни человека, и отвечать придется ей – не перед людским судом, так перед всевышним.

Она вышла из ванной комнаты, злясь на Александра и на себя саму. Ее расстраивала перспектива еще одного бесконечного рабочего дня, когда она вынуждена будет держать себя в рамках и делать вид, что в ее жизни все прекрасно. Ах, если бы у нее была возможность отсидеться дома! Она подумала, не сказаться ли ей больной, но потом все же решила поехать в редакцию. Тем более что Василису все равно нужно было везти в детский сад.

Она отправилась в детскую и подняла с постели малышку. Потом, как было заведено, взяла ее на руки и понесла, полусонную, в ванную, чистить зубы и умываться. Утренние хлопоты немного отвлекли Женю от тяжелых дум, и к тому моменту, когда она поставила на стол какао и горячие бутерброды, ее настроение пришло в относительную норму и она смогла даже улыбаться. Василиса тоже вела себя примерно. Она не капризничала, а после завтрака позволила надеть на себя розовое платье, по поводу которого у них с матерью часто возникали споры. Маленькая модница предпочитала брючки и шорты, а к юбкам и платьям она относилась с пренебрежением, как мальчишка.

Обычно утро в семье Швеца получалось суматошным. Семейство перемещалось по дому в разных направлениях, иногда сталкиваясь на лестнице, сражаясь за место в душе. Евгения была нарасхват. «Мам! Ты не видела мои брюки? – спрашивал Иван. – Вчера они висели на этом стуле!» – «Женя, неужели у нас нет запасной зубной пасты? – кричал из ванной муж. – Неужели мне придется чистить зубы мылом?» – «Мама, ты обещала пришить зайцу ухо!» – хныкала Василиса. И Евгения носилась по дому, как ураган, отыскивая пропавшие брюки и тюбик с пастой, а заодно усаживая зайца на гладильную доску с приколотой к его боку запиской для Нурии. При этом она дожевывала бутерброд, застегивала на ходу блузку и умудрялась удерживать в руке телефон, на случай, если вдруг кому-то понадобится утром ей позвонить. Все это было крайне утомительно, но она давно привыкла к такому круговороту, считая его обычным порядком вещей.

Однако сегодня утро казалось Евгении непривычно тихим, и это ощущение только усиливало ее беспокойство. Иван отсыпался. Его занятия в университете начинались только после обеда. Василиса была непривычно покладиста. А Александр погрузился в чтение, спрятавшись за газетным листом так, что его не было видно. Он отхлебывал чай и делал вид, что международная обстановка интересует его сейчас гораздо больше, чем домашняя. Евгения находила его поведение возмутительным и преувеличенно громко стучала чашками, складывая их в раковину. Нурия должна была прийти с минуты на минуту и приняться за наведение порядка и приготовление обеда. Встретить ее у хозяйки уже не получалось. За ней уже подошло такси...

Сбродов встретил ее, как всегда, у самого входа.

– Как, Евгения Федоровна, вас еще не арестовали?

Она остановилась как вкопанная и едва не выронила из рук папку. Сбродов и охранник на входе смотрели на нее с улыбкой.

– Я имею в виду, за оленя, – пояснил секретарь, и она ощутила, как железная когтистая лапа, сжавшая ее сердце, понемногу отпускает его. Вместе с облегчением она почувствовала бешенство.

– Черт возьми, Сбродов! – грозно прикрикнула она. – Разве так шутят?

Она решительно пересекла холл. Ее помощник неся за ней едва ли не вприпрыжку, удивляясь тому, что же довело его начальницу до высшего градуса кипения. Может, она встала не с той ноги?

– Я не думал, что это вас так испугает, – оправдывался он.

– А с чего ты решил, что я испугалась?! – резко спросила она, окидывая его недовольным взглядом. Она была зла, как сто чертей, но испугать ее сейчас могла лишь группа людей в серой форме.

– А где же ваша машина? – подобострастно залебезил Алексей. – Я хотел загнать ее в паркинг.

– Машина в ремонте! – четко выговорила она и остановилась. Поблизости не было ее подчиненных. Отличный момент, чтобы расставить все по своим местам. – Давай закроем эту тему, Алексей. Мне она порядком надоела. Мало того, что я получила взбучку за разбитую машину от мужа, еще и ты находишь повод покуражиться надо мной!

– Я просто пошутил, Евгения Федоровна. Но если это вас так задевает, я больше не буду говорить ничего подобного! – заверил ее секретарь.

«Дура! – мысленно выругала она себя. – Не нужно было мне акцентировать внимание на его глупой выходке. Подумает еще, что мне есть чего бояться».

– В общем, хватит болтовни, – уже смягчившись, добавила она. – У нас есть чем заняться, кроме того, как обсуждать мою личную жизнь. Вызови-ка мне Красюк. Со всеми ее фотографиями, разумеется...

Разговор с Красюк получился длиннее, чем предполагала Женя, поскольку, помимо обсуждений технических деталей подготовки к юбилейному выпуску журнала, редактор отдела моды и красоты вывалила на нее целый ушат сплетен и домыслов, главными фигурантами которых являлись знаменитости. Сама Евгения никогда особо не следила за тем, как протекает личная жизнь звезд, и ей было все равно, сходятся они или расходятся, с кем их замечают на очередной вечеринке, какую марку машины они предпочитают и в каком количестве килограммов измеряется их живой вес. Но Юлия коллекционировала эти сплетни так, как другие коллекционируют марки, старинные книги или живопись. Она готова была говорить на любимую тему часами и к тому же сообщить любимой начальнице (по секрету, разумеется!) то, о чем большинство читателей еще и не догадывалось. Например, о том, что у актрисы А уже семь недель беременности, а отец ребенка вовсе не ее муж, а известный прохвост Б, с которым она снималась в последнем сериале. Евгения подозревала, что сама бедная актриса А еще и не подозревает о своем грядущем материнстве, в то время как редактор отдела моды и красоты журнала «София» уже знает и пол ребенка и, возможно, его будущее имя.

– Сделай одолжение, – попросила Евгения свою сотрудницу. – Освободи меня от этих подробностей. Все это, конечно, очень увлекательно, но мне кажется, что с этим должны разбираться муж А и она сама.

– Но весь фокус в том, что муж еще ничего не знает! – выпалила главную сенсацию Красюк. – Разве вам не любопытно, как он к этому отнесется? Вот, кстати, снимок А с последней кинематографической тусовки. Разрешите его вставить в номер?

Евгения лишь кивнула головой:

– Хорошо. Только с условием, что в статье ничего не будет сказано о ее беременности. Кто там еще?

– Режиссер В с коллегами. Писательница О. Сатирик М с подругой.

Швец поморщилась:

– Почему с подругой? Вроде ведь он женат?

Красюк округлила глаза:

– Как?! Вы еще не знаете?! Я вам все сейчас расскажу. Он развелся и теперь...

Евгения замахала руками:

– Все ясно! Если он теперь свободный мужчина, то у меня по этому поводу вопросов нет. У вас что-то еще?

Редактор помялась:

– Да. Тут еще фотографии подруги известного бизнесмена Л в чудесном платье от «Valentino». Замечательные кадры, и я подумала...

– У нас не бульварный журнал. Никаких подруг бизнесменов при наличии законных жен я в нем не потерплю!

– Но снимки получились такие хорошие! – взмолилась Юлия. – Кроме того, они и не прятались. Не думаю, что эта публикация станет для жены Л шоком. У него репутация известного донжуана. Это всего лишь одна из его последних маленьких шлюх...

– Ты слышала мое мнение! – заявила Швец.

– Но вы только взгляните. Какой силуэт! Какое платье!

Она вынула снимки, но начальница даже не протянула руки, чтобы их взять и хорошенько рассмотреть. Хотя краешком глаза она отметила точеную фигуру в красном платье до пола и блестящий шелк струящихся по обнаженной спине волос.

– Ну, и куда теперь девать это великолепие? – пробурчала Юлия.

– Мне нет до этого никакого дела, – проговорила Швец, принимаясь за свои бумаги. – Если хотите, предложите снимки самому бизнесмену. Пусть вставит их в рамку и повесит в своем офисе.

Она делала заметки на полях, всем своим видом показывая, что аудиенция окончена. Красюк ничего не оставалось, как, вздохнув, покинуть кабинет главного редактора, захватив с собой свое «досье» на всяких знаменитостей...

На обед Евгения отправилась в небольшой итальянский ресторанчик, расположившийся в паре кварталов от их офиса. Там ее уже дожидалась подруга, та самая, с которой они некогда брали памятное интервью у чемпиона России по теннису.

Теперь Софья отвечала за связи с общественностью на одном из развлекательных телевизионных каналов, причем, слыла она дамой деловой и крайне занятой. Но выкроить часок для того, чтобы встретиться с близкой подругой, – это дело святое, и обе женщины давно превратили свои еженедельные совместные обеды в обязательный ритуал. Это позволяло им, хотя бы на время, выпасть из рабочего графика и просто поболтать о своем, о женском.

Софья со студенческих времен заметно изменилась, набрала вес и стала казаться намного внушительнее, спокойнее и организованнее, чем та суетливая девчонка, которой она была некогда. Теперь уже она не краснела, пытаясь подобрать нужные слова на деловой встрече, а ее оппоненты стремились завоевать расположение этой дамы, репутация и деловые связи которой внушали им уважение. Вот и сейчас, сидя за дальним столиком ресторана, положив ногу на ногу, с сигаретой в руке, Софья казалась воплощением абсолютной уверенности в себе. Черный брючный костюм, короткая стрижка и каблук делали ее выше и стройнее.

Она приветствовала подругу улыбкой и струйкой сигаретного дыма. Обычно Евгения морщилась и без особой надежды на успех интересовалась – когда Софья наконец бросит травить никотином себя и окружающих? Но сегодня казалось, что Швец не замечает дыма, как и некоторых других вещей, поскольку она уселась на сумку подруги, сразу не ощутив неудобства.

– Эге, матушка, да у тебя, видно, неприятности? – сказала Софья, выдергивая из-под Жени за ремешок свою сумку. – Со своим, что ли, поругалась?

– С чего ты взяла? – удивилась Евгения.

– А ты посмотри на себя в зеркало. Чернее тучи! Кроме того, я вижу, ты сегодня без машины? Случилось что-то?

Евгения не была готова так прямо с ходу давать ей какие-либо объяснения. Кроме того, она не была уверена вообще – стоит ли говорить подруге о том происшествии на дороге?

Александр бы этого явно не одобрил. Он с предубеждением относился к их дружбе и отнюдь не светился от счастья, когда Софья забежала к ним домой на огонек. Может быть, он еще помнил, что когда-то именно близкая подруга жены отговаривала Евгению от брака с ним, доказывая с пеной у рта, что все смазливые мужики – бабники. Конечно, спустя девятнадцать лет после их свадьбы можно было бы успокоиться и поставить на прошлых обидах крест. Но казалось, что стороны заключили лишь временное перемирие и терпели друг друга исключительно ради самой Евгении. В частности, поэтому обе женщины были вынуждены встречаться в ресторанах и кофейнях, а не в домашней обстановке.

– Берешь на вооружение методы Шерлока Холмса? – отшутилась Евгения, правда, очень вяло, и погрузилась в изучение меню.

– Да тут и отгадывать нечего, – пожала плечами Софья, не переставая курить. – Обычно ты кидаешь на стол ключи от машины. Сегодня ты этого не сделала.

– Это лишь значит, что они у меня в сумке.

– Это значит, что ты пытаешься водить меня за нос, – покачала головой Софья и кивнула в сторону стеклянной витрины, за которой виднелась полупустая парковка. – Только не рассказывай мне, что ты полюбила ходить пешком.

– Ты можешь мне не верить, но я действительно пришла пешком, – ответила Евгения. – Со мной приключилось ЧП. Я сбила пешехода.

– Да ладно тебе! – открыла рот Софья, стряхивая пепел в стакан с соком. – Ты что, шутишь?

– Если бы... – с горечью заметила Евгения.

– Как это произошло?

Конечно, Евгении пришлось рассказать ей всю историю с самого начала, припомнив и своих коллег, и выдуманного ею оленя. Она сетовала на бесчувственность мужа и на собственные переживания, из-за которых буквально не находила себе места.

Софья впечатлилась ее рассказом, но не настолько, чтобы потерять аппетит. Она заказала подошедшему официанту лазанью и жасминовый чай, затем кинула вопросительный взгляд на Евгению. Та только покачала головой:

– Мне кофе. Черный. Без сахара.

Официант удалился.

– Не лучший вариант – накачивать себя кофе, – заметила подруга. – Ты и так – сплошные нервы.

Евгения взглянула на нее с изумлением:

– Ты не лучше Александра! Тот тоже советует мне успокоиться и хорошо питаться. Ты хотя бы осознаешь сейчас, что говоришь с преступницей?

– Что сделано, то сделано, – заметила Софья, гася окурок в пепельнице. – Ты же не собираешься идти с повинной в милицию?

– А чем, кстати говоря, не вариант? Может, так и сделать?

– Не говори глупости. Тебе захотелось острых ощущений? Как пить дать, тебе навесят срок! Не знаю, правда, сколько за это дают. Но мне почему-то кажется, что прилично. Ты оставила человека без помощи, а это, как я понимаю, не шутки.

– Господи, я даже не знаю, жив он сейчас или мертв! – простонала Евгения. – Вот ведь кошмар-то!

– Даже если бы ты это знала, вряд ли это могло бы что-то изменить. Сейчас уже поздно. Его, конечно, обнаружили и оказали необходимую помощь. Ну, или... – Она выразительно замолчала.

– Или что?

– ... или эта помощь ему уже не нужна. Тебе еще повезло, что рядом не оказалось людей! Ты просто уехала, а ведь могло быть куда хуже.

– Хуже и так некуда, – не согласилась Евгения. – Да, я уехала, но мне теперь кажется, что было бы лучше, если бы меня задержали сразу. Я не могу жить в состоянии неизвестности. Это невыносимо!

– Успокойся. Скорее всего тебя не обнаружат. Если прошло уже больше суток и никто к тебе не пришел, не позвонил, не вызвал тебя куда-то, значит, возможно, все еще обойдется. Тебя не найдут.

Евгения с сожалением посмотрела на подругу. Та ее не понимала! Софья искренне считала, что все страхи Швеца объясняются лишь тем, что она боится, что ее обнаружат. Вчера Евгения рассуждала так же.

– Я не о том говорю, Соня, – прошептала она. – Я говорю не о своем аресте. Ты понимаешь, я с *этим* просто не смогу жить!

– Ты имеешь в виду муки совести и все такое? – проговорила Софья, с вожделием глядя на шипящую на сковородке лазанью. – Принесите-ка мне тертый сыр, – это было сказано уже официанту.

– Да, я про совесть, – подтвердила Швеца. – Мне невыносима мысль о том, что я погубила человека, а теперь сижу здесь, словно ничего не произошло, а после обеда опять пойду на работу. После работы – домой. И так без конца...

– Ну, а ты предпочла бы тюрьму?

– Не тюрьму, конечно. Но что там еще дают? Понимаешь, мне было бы проще, если бы меня сейчас расспрашивали, ругали... В этом была бы какая-то определенность. Процедура расследования весьма неприятна, но она далась бы мне легче, чем мое настоящее положение – странное, неопределенное, требующее соблюдения правил конспирации. Все эти предосторожности, опасения, косые взгляды через плечо – *не следит ли кто за мной?* – все это претит мне!словно я – какая-то беглая преступница! Хотя, если задуматься, так оно и есть. Конечно, если бы мне предъявили обвинение, я чувствовала бы себя не лучшим образом. Я боялась бы за себя, переживала... Возможно, я бы защищалась, говоря, что всему виной плохая видимость, скользкая дорога и даже сам пешеход. Я придумывала бы себе оправдания, но не сидела бы вот так, в полной растерянности, не зная, что предпринять. Я не терзала бы себя неизвестностью...

Софья потянула на себя длинную полоску расплавленного сыра. Кусочек оказался горячим. Она с досадой бросила вилку.

– Черт знает, о чем ты говоришь, Женька! Посмотрела бы я на тебя, если бы к тебе подошел милиционер и попросил тебя пройти для разговора в ближайшее отделение! Мигом бы забыла про свои муки совести и думала бы только о том, где найти ловкого адвоката, чтобы он вытащил тебя из всей этой кутерьмы!

– Может, и так. Но неизвестность всегда хуже.

– Хуже, хуже... Интересно, а ты подумала сейчас о других? О тех, кто нуждается в тебе? Что будут делать они, если ты попадешь под следствие или, еще того хуже, в тюрьму?

– Ты имеешь в виду работу?

– Бог ты мой, Женька, какую работу?! Я имею в виду твою семью!

– А при чем тут моя семья?

– А при том! У тебя двое детей. Восемнадцатилетний сын, за которым нужен глаз да глаз. Дочка, которой всего три года, и она нуждается в матери. Кто за ними будет смотреть? Воспитывать, целовать их на ночь, контролировать, наконец?

– Да, но у них еще есть отец... И Нурия...

Софья жевала лазанью и согласно кивала головой.

– Да-да... Отец и Нурия. Симпатичный, еще молодой папаша. Бывший чемпион. В собственном доме, на своей машине. Детки, которые нуждаются в ласке и любви. Просто картина маслом!

Евгения озадаченно посмотрела на подругу. Что та имела в виду? В этом ее насмешливом взгляде, в преувеличенно активном кивании головой было что-то искусственное, скрывающее некий намек.

– Ты опять за старое, Соня, да? – вспыхнула она. – Как тебе не совестно! Сколько лет я тебя знаю, столько же лет ты пытаешься внушить мне, что Александр – ненадежный муж и никудышный отец.

– Заметь, об этом сейчас говоришь ты, а не я!

– Но что тогда, ради всего святого, ты пытаешься сейчас мне доказать? К чему эти твои ужимки и твое многозначительное «да-да», словно тебе известно что-то такое, что неизвестно мне!

– Не стоит быть такой наивной, дорогая. Если рядом с мужчиной освобождается место, то его всегда норовит занять какая-нибудь другая ловкая особа. В случае с твоим Александром ей и трудиться особо не придется. Одиноким мужчиной, да еще и с детьми – отличная мишень для приложения женских талантов. Для начала его навестит какая-нибудь сердобольная соседка и предложит ему свою помощь в уходе за девочкой. Должен же кто-нибудь заплетать Ваське косы! Потом начнутся совместные прогулки в парке, поздние домашние ужины... Ну, и наконец, он позволит ей остаться. Пока – в гостевой комнате. Какой смысл уходить, если утром ей снова нужно возвращаться обратно? Она останется раз, другой... Потом перенесет сумку со своими вещами. Затем – чемодан. И вот уже твои вещи убраны на антресоли, а в доме командует совсем другая женщина! Если она умна, ей удастся легко переманить Василису на свою сторону. Она же еще ребенок! С Иваном вообще проблем не возникнет. У него уже своя жизнь. И к тому времени, когда ты вернешься домой, дорогая, тебя вспомнит лишь ваша собака. Ты этого хочешь?

– Не нужно мерить всех по одной мерке, – возразила Евгения. – Александр не такой. Он не глуп и вполне самодостаточен. Ну, а для того чтобы заплетать моей дочери косы, в нашем доме есть Нурия!

Софья только махнула рукой:

– А! Ты несправима. Мужчины не так разнообразны, как ты думаешь. И не воспринимай трюк с косами буквально. Есть еще немало милых женских хитростей. В каждой песочнице сидит по парочке мамаш, делающих стойку при виде одинокого мужчины. Кому тогда понадобятся твои угрызения совести?

– Ты предлагаешь мне всю жизнь пасти Александра? Как бы чего не произошло?

– Я тебе предлагаю успокоиться! Пусть все идет как идет. Страсти в духе «преступления и наказания» сейчас несовременны. Если тебе все не в радость – возьми отпуск. Слетайте куда-нибудь на недельку, а когда вернешься, краски твоего ЧП заметно поблекнут. Воспоминания о произошедшем заслонят более красочные картины. Страсти утихнут, и ты опять сможешь жить, как и прежде.

Евгения только покачала головой.

– Ну, хочешь, я тебе дам телефон своего знакомого психолога? – с выражением жалости на лице предложила подруга. – Я не знаю, что все в этом находят. Но, знаешь, некоторым это помогает. Встретишься, поговоришь, получишь совет.

– Да, и ты предлагаешь выложить ему все как на духу?

– Ага! Уже боишься?

– Скорее, мне понадобится телефон адвоката, – проговорила Швея и сразу вспомнила. У нее был один на примете...

Вернее, это была *она*. Некая Елизавета Дубровская. Молодой адвокат с определенной долей удачи и таланта. Они готовили о ней материал в рубрике «Неженская профессия». Дубровская защищала тогда Диану Данилевскую, известную писательницу, автора детективов, обвиненную в убийстве подруги. Дело было шумным, с интересной завязкой и совер-

шенно неожиданным поворотом сюжета. Дубровская сыграла в нем ключевую роль и сумела убедить суд в невиновности своей клиентки. Помнится, материал вызвал тогда наплыв читательской почты, а визитка молодого адвоката заняла свое место в одном из многочисленных рабочих блокнотов Евгении. Швец не думала, что координаты Дубровской могут ей когда-нибудь пригодиться. Видимо, сейчас это время настало...

Глава 5

Дубровская нашла для нее время в тот же день, ближе к вечеру. Они встретились в небольшом офисе, куда, по всей вероятности, адвокат переехала совсем недавно. В углу комнаты высилась пирамида из картонных коробок, где была юридическая литература и многочисленные папки с бумагами.

– Иногда мне кажется, что я схожу с ума, – улыбнулась Дубровская, кивая на этот беспорядок. – У меня еще нет ни секретаря, ни помощника. Все приходится делать самой. Но пока что мне это нравится! После восьми лет работы в коллегии адвокатов, напоминавшей пчелиный улей, принимать клиентов в тишине и покое – странное, но приятное ощущение.

Евгения уселась на черный кожаный диван в углу комнаты. Адвокат расположилась за столом. В массивном вращающемся кресле, предназначенном для руководителя, Дубровская выглядела особенно хрупкой и молодой. Евгения не удивилась бы, обнаружив, что ноги «опытного адвоката», в сапогах на тонких длинных шпильках, не достают до пола. Елизавета Германовна, как значилось ее имя на визитке, уже, должно быть, достигла возраста тридцати лет, но, как бывает обычно у миниатюрных женщин, на вид казалась еще очень молодой. Умные карие глаза, опущенные густыми ресницами, смотрели на посетительницу выжидающе. Адвокат не начинала беседу, предлагая женщине выговориться самой.

– Может, вам предложить кофе? Чай? – спросила она, подталкивая Швеца к разговору. Та только отрицательно покачала головой.

– Надеюсь, вы не пришли брать у меня очередное интервью? – любопытствовала Елизавета. – Боюсь, в настоящий момент у меня нет ничего интересного. Так, несколько текущих гражданских дел. Раздел имущества, наследство, и все в этом роде. Никаких убийств и громких похищений. Все тихо и очень банально.

– Я здесь совсем по другой причине, – начала Евгения. – Видите ли, дело касается... моего близкого друга. Он попал в ужасную ситуацию и просто не представляет, как из нее выпутаться.

– Адвокаты для того и существуют, чтобы помогать распутывать ужасные ситуации, – мягко улыбнулась Елизавета. – Почему бы ему самому не обратиться за помощью?

– Он не уверен, стоит ли это делать. Сейчас ему очень тяжело. Он в шоке, и я предположила... я подумала, что вы могли бы мне помочь его успокоить.

– Давайте посмотрим, что я могу сделать, – предложила адвокат. – О чем пойдет речь? Это уголовное или гражданское дело?

Евгения почувствовала, что сердце ее заколотилось сильнее. Зачем она вообще сюда пришла? Неужели она и вправду ищет острых ощущений?

– Я думаю, что уголовное, – проговорила она. – Хотя я не уверена... Может, вы правы, и мне не стоило приходить. Если он захочет, пускай идет сам... Я чувствую, что сажусь не в свои сани...

Она встала, собираясь уйти.

– Присядьте, – предложила ей Дубровская. Теперь ее голос звучал повелительно, и она уже не производила на Евгению впечатления молоденькой девчонки, забравшейся в чужое кресло. – Сядьте! Ведь вы нашли необходимым позвонить мне и попросить о встрече? Значит, у вас на то были веские причины. Почему бы вам не начать рассказывать мне о них? Забудьте, что вы находитесь на приеме у адвоката. Давайте просто побеседуем о том, что беспокоит вашего друга. Кто знает, может, я смогу ему помочь?

«Она еще и психотерапевт, в одном лице с адвокатом?» – спросила себя Евгения, вновь усаживаясь на диван.

– Мой друг ехал на машине и... сбил человека. Не специально, просто погода была плохой, – начала она уже привычный рассказ, который уместился сейчас в два предложения.

– Насмерть?

– Что вы сказали?

– Насмерть сбил?

Евгения замялась:

– Вот в этом-то и вопрос. Он не знает... Как бы сказать лучше? Он уехал с места происшествия. Нервы, знаете ли... Он не выдержал.

– Его задержали?

– Нет.

– Но его ищут?

Евгения пожала плечами:

– Он не знает. Может быть, никто и не догадывается о том, что это сделал он. Это случилось в безлюдном месте. За городом. На трассе.

Дубровская смотрела на Евгению внимательно, словно хотела задать ей какой-то вопрос. На лице ее отразилось сомнение.

– Я не поняла, что сейчас беспокоит вашего друга?

В ее вопросе не было осуждения. Адвокат явно не собиралась читать ей лекции на тему морали. Евгения почувствовала себя свободнее.

– Она не знает, что сейчас ей делать. Ведь то, что она совершила, является преступлением. Разве не так?

Адвокат подняла брови, словно удивляясь, но потом встала и, подойдя к коробкам, сваленным в углу, вытащила оттуда небольшую книжку в синей обложке.

– Да, это так. Даже если представить себе самую дикую версию о том, что пешеход бросился под колеса автомобиля осознанно, а ваш друг был осмотрителен и осторожен, – подтвердила она. – Все равно, водитель не вправе был покидать место происшествия. По вашим же словам, он не оказал необходимую помощь человеку, который явно оказался в опасности. Вы с этим согласны?

Ладони Евгении увлажнились.

– ...даже если предположить, что пешеход остался жив, получив травмы, нахождение его в безлюдном месте, за городом, при минусовой температуре... в совокупности все это представляло реальную угрозу для его жизни. Он мог замерзнуть, не дождавшись помощи. Все это очень серьезно. Взгляните в Уголовный кодекс.

Она отметила необходимые статьи карандашом и передала книжицу Евгении. Та бегло просмотрела текст, но мало что в нем поняла, кроме леденящих душу слов «лишение свободы».

– Много за это дают? – спросила она, подняв глаза от текста.

Адвокат вздохнула. Должно быть, этот вопрос, в той или иной интерпретации, задавал ей каждый клиент.

– Не хочу, чтобы мы блуждали в тумане, но это зависит от многих обстоятельств, – осторожно сказала она. – Например, нарушил ли водитель правила дорожного движения или имело место невинное причинение вреда? Быть может, сам пешеход допустил грубую неосторожность, и водитель, при всей своей осмотрительности, не мог не совершить наезда...

– Она говорила, что было очень темно и скользко, – вставила Евгения. – Это может ей как-то помочь?

Адвокат вздохнула еще раз:

– К сожалению, я не могу вас обнадежить. Взгляните в правила дорожного движения. Водитель в темное время суток и при самых отвратительных погодных условиях должен

выбирать оптимальный скоростной режим, позволяющий ему держать контроль над ситуацией на дороге. Он может плестись как черепаха, а в крайнем случае, остановиться и ждать, пока не развиднеется. Но давить людей, списывая это на снег с дождем, туман или прочие оказии, ему не позволено. Плохая погода – не садись за руль!

«Если бы я знала, как все это будет, я бы пешком добралась до работы», – с горечью подумала Евгения.

– ...мы не знаем, насколько серьезны были травмы пешехода? Что с ним вообще стало? Пока обо всем этом можно только гадать, как на кофейной гуще, и с такой же точностью определять срок наказания.

– Хорошо, я спрошу по-другому, – Евгения с силой сжала руки. – Могут ли водителя посадить?

– Могут, – коротко ответила Дубровская.

– А если он явится с повинной? Неужели это ничего не изменит?

– Конечно, явка с повинной будет рассматриваться как смягчающее обстоятельство.

Но больше я ничего пока вам сказать не могу.

Швец нуждалась в более определенном и обнадеживающем ответе. Она сама плохо понимала, чего ждет от адвоката. Может быть, конкретной цифры срока отсидки – в годах – или же каких-то гарантий. Ни того, ни другого она не получила, и это еще больше раздосадовало ее.

– Но что же теперь делать? – Она осеклась. – Я имею в виду, что делать ему, моему другу? То есть подруге, – поправилась она, вспомнив, что рассказ свой вела в женском роде.

Дубровская пожала плечами.

– Это не правовой вопрос, – сказала она, поднимаясь. – Это вопрос морали, воспитания. Идти с повинной или же выжидать у себя дома – это должен решить сам человек. Здесь адвокат – не помощник. Ведь в любом случае наказание за совершенное преступление будет нести ваш друг... подруга, а не защитник.

– Да. Но как бы на его месте поступили вы? – спросила Евгения.

Дубровская в очередной раз пожала плечами. Затем вытащила из кучи бумаг какую-то картину и начала ее рассматривать. Швец увидела, что это постер с черно-белым изображением какого-то городского пейзажа.

– Это сложный вопрос, – сказала адвокат, не отрывая глаза от снимка. – Сложный и бесполезный. Какая разница, что бы сделала я на месте вашего друга или что бы сделали вы? Подозреваю, что ни один из нас не сможет сказать определенно, как он поступит в той или иной ситуации, пока не окажется в ней сам. Конечно, мне хочется сказать, что я в любом случае оказала бы пострадавшему помощь, привезла его в больницу, сообщила бы свои данные в медицинском учреждении и добровольно сдалась бы в руки милиции. Но кто знает? Быть может, и во мне в критический момент разыграл бы инстинкт, и я удрала бы с места происшествия. Понимаю, как тяжело вашему другу бороться сейчас с искушением.

– С искушением чего?

– Что все останется шито-крыто, – ответила Дубровская и пристально посмотрела на свою гостью.

Наступила пауза. Евгения не выдержала и отвела глаза в сторону. Ей нужно было сворачивать разговор. Как бы это сделать естественно, без суеты? Встать, поблагодарить, расплатиться за консультацию?

– Как вы думаете, этот постер будет хорошо смотреться на этой стене? – неожиданно спросила Дубровская, приложив изображение в рамке к стене.

Перемена темы была такой неожиданной, что Швец поначалу опешила и уставилась на снимок в полном недоумении.

– Это Ковент-Гарден, – пояснила адвокат. – Чудесное место! Вы когда-нибудь были в Лондоне?

В Лондоне? Евгении пришло в голову, совсем некстати, что этот город особенно полюбили российские граждане, скрывающиеся от карающего меча правосудия. Может, и ей туда же махнуть?

– Замечательный город, – продолжила адвокат. – У меня немало его превосходных изображений, и я собираюсь оформить ими свой кабинет.

– По-моему, отличная идея, – пробормотала Евгения. – Сколько, кстати, я вам должна?

– Ничего, – ответила Дубровская, любуясь уже видом на Темзу. – Считайте, что мы просто побеседовали, как старые знакомые.

Швец кивнула головой и шагнула к двери. У нее остался еще один вопрос, тяжелый, как камень, который не так-то легко стряхнуть с языка. Адвокат же была полностью поглощена созерцанием видов британской столицы.

– Кстати, передайте своему другу, что, даже если он – или она – решит остаться инкогнито, вся информация о нашей сегодняшней встрече не выйдет за пределы этого кабинета. Ему нет нужды беспокоиться, – сказала она вдруг.

Швец замерла на полпути к двери. Странно, как Дубровская прочитала ее скрытые мысли! Ведь Женя уже жалела, что так скоропалительно выложила всю правду человеку, которого она едва знала.

– Адвокатская тайна, – улыбнулась Дубровская. – Нет нужды что-то скрывать, если обращаешься к защитнику. Он, как и врач, должен знать о вас все, для того чтобы подобрать подходящий путь решения проблемы. Так и передайте вашему другу (или подруге?), ведь с полом водителя вы так и не определились.

Евгения Швец почувствовала, что неумолимо краснеет. Вот что значит отсутствие опыта в искусстве вранья! Похоже, что Дубровская видела ее насквозь, и все попытки скрыть правду оказались неуклюжими.

– Если возникнет необходимость, я всегда готова оказать помощь, – сказала Елизавета. – Если, конечно, *она возникнет*...

В последней фразе был скрыт подтекст, разгадывать который Евгении сейчас было недосуг. Слишком многое ей следовало обдумать. Может статься, ей и вовсе не понадобится никакая юридическая помощь...

Дома муж сообщил ей, что Тофик уже загнал «БМВ» в гараж и, если все будет так, как они задумали, к завтрашнему вечеру машина будет в работе, так что самый опытный криминалист не найдет на ней никаких следов от оленьих рогов. Александр пытался, должно быть, пошутить, но жена его сейчас плохо воспринимала юмор. Вчерашняя ложь, рассказанная коллегам, помноженная на ее сегодняшнее блеяние в кабинете адвоката, вызывали в ней отвращение к самой себе. Она неумолимо двигалась по наклонной плоскости вниз, на самое дно жизни, где находились отпетые негодяи, неисправимые лгуны, мошенники и убийцы. Но ведь она совершила наезд на пешехода *по неосторожности*! Это ей говорила адвокат. Это подтверждал и Уголовный кодекс. Неосторожно – значит, неумышленно, не специально. Такое могло произойти с любым, даже с самым хорошим и совестливым человеком. Просто в определенный момент времени она допустила ошибку, промах (называй как хочешь). Все можно было бы еще поправить, если бы она нашла в себе силы остановиться, оказать пострадавшему помощь. Но она умчалась с места происшествия, и сделала это уже *специально, умышленно*. Она боялась ответственности. Она не хотела садиться в тюрьму! А такое поведение, как ни верти, уже не позволяло оставить ее в числе законопослушных граждан. Она действовала как настоящая преступница, сотворившая зло и желающая остаться безнаказанной. А если это не так, и она просто проявила слабость, смалодушничала, то почему

же сейчас она сидит дома, словно бы ничего и не произошло? Почему она позволяет перекрашивать свою машину, уничтожать все следы этого происшествия? Почему она лжет на приеме у адвоката, хотя понимает, что там ей ничто не угрожает? И так, кто же она после этого? Имеет ли она теперь моральное право воспитывать своих детей, объясняя им, что хорошо, а что плохо? Правда, тут же она подумала, каково будет сознавать детям, что их мать судима, если вдруг она решит пойти в милицию? Может, благом будет им действительно ничего не знать...

Евгения чувствовала, что запуталась.

– Алекс, может, мне пойти в милицию? – жалобно спросила она у мужа.

– Не говори ерунды, – отозвался он из гардеробной. – Иди-ка лучше разогрей ужин...

Василиса прыгала на одной ножке.

Шла машина темным лесом
За каким-то интересом,
Инте-инте-интерес
Выходи на букву С...

Она смешно коверкала слова, произнося вместо Р Л, и обычно Евгения, не дослушав считалки, принималась весело тормозить дочь, обнимая ее и целуя. Но сегодня, перетирая после ужина тарелки, мать еле сдерживалась. Присказка повторялась бесчисленное количество раз, алые бантики плясали по кругу, и мать сразу даже и не разобрала, что вызывает в ней такое раздражение, пока не зацепилась за первую фразу:

«Шла машина темным лесом...»

Ей стало нехорошо.

– Прекрати! – прикрикнула она на дочь.

Та остановилась, пораженная непривычной резкостью тона матери.

– Не нужно шуметь, – уже смягчаясь, добавила она. – У мамы просто болит голова. И вообще, тебе пора ложиться спать.

Она перехватила сердитый взгляд мужа.

– Тебе следует привести в порядок нервы, – сказал он. – Это уже становится невыносимым!

– Может, подскажешь, как бы это сделать? – вспыхнула она, откладывая в сторону тарелку. Не хватало еще перебить в доме всю посуду!

– Просто не перекладывать свои проблемы на нас, – предложил он, аккуратно выдвора я дочь за пределы кухни.

– Предлагаешь мне страдать в одиночку?

– Если хочешь. Но лично я не вижу особых причин для страданий. Мне кажется, все складывается благополучно. Тебя никто не беспокоит. Чего еще нужно? Пройдет немного времени, и ты сама будешь думать, что все это тебе только приснилось. Надо только немного потерпеть. Но если тебе хочется заниматься самобичеванием, делай это тихо и достойно. Не стоит вымещать на нас свое дурное настроение.

– С ума сойти! После стольких лет брака я обнаруживаю, что ты меня совсем не понимаешь! – воскликнула она. – И самое ужасное в том, что даже и не пытаешься понять!

– Я все прекрасно понимаю, – сказал он. – Просто я не готов сидеть с тобой рядом и рвать на себе волосы, как, впрочем, и вести диспуты на темы морали. К чему заниматься демагогией, если все уже сделано?

– Значит, мне нужно искать понимания у других людей? – холодно поинтересовалась Евгения.

– Больше всего понимания проявили бы к тебе работники милиции. Они не только выслушали бы тебя, но и записали бы каждое твое слово в протокол.

– Очень смешно!

– А если без шуток, то бежать за психологической разгрузкой на сторону – очень глупо. Ты уже и так поступила опрометчиво, сочинив сказку про помешанного оленя, живущего в лесопосадках. Остается надеяться, что эта твоя неосторожность не будет иметь печальных последствий.

– Сегодня я была у адвоката, – через паузу призналась она.

– О! Не удивлюсь, если завтра ты побежишь в милицию. Надеюсь, адвокат наставил тебя на путь истинный?

– Смотря что ты понимаешь под истинным путем.

– Ну, как? – удивился он. – Адвокаты обычно заинтересованы в новом клиенте. Они подсаживают таких, как ты, нервных дамочек на свою юридическую иглу. Для начала они обрисовывают беспросветность твоего положения и указывают на острую потребность в помощи правозащитника. Затем дают несколько эффектных, но совершенно бесполезных советов и приправляют их заверениями в своей преданности и искреннем желании помочь. Потом назначается следующая встреча. После – еще одна. Причем за каждый такой визит адвокат сдирает с тебя кругленькую сумму. На сколько тебя раскрутили сегодня?

– Я не заплатила ни копейки.

– О! Это плохой признак. Или этот твой адвокат еще совсем неопытен и не научился брать деньги. Толку от него не жди. Если он не умеет блюсти свои интересы, то так же отнесется и к твоим. Ну, или же он, наоборот, очень хитер и оборотист. Бесплатными услугами он пытается покрепче посадить тебя на свою иглу, чтобы ты уже никуда не сорвалась. Но потом, когда придет черед, он сдерет с тебя все до последней копейки.

Евгения подумала про себя, к какой категории можно отнести Дубровскую. Неопытной защитницей она не выглядела, коль сумела вывести ее на чистую воду при первой же встрече. Но и на матерого зубра адвокатского ремесла, готового на все ради своей выгоды, она тоже не походила. Может, это была какая-то средняя, промежуточная группа способных, но и совестливых людей? А водятся ли среди адвокатов такие особи? Во всяком случае, ее муж об их существовании даже не подозревал.

– Ну и что посоветовал тебе твой защитник? Идти в милицию?

Евгения неопределенно пожала плечами:

– Да нет. Она сказала, что это не юридический вопрос и человек должен решать по совести, как ему поступить.

– Она говорила про совесть? Уникальный защитник! – Он всплеснул руками. – Но на твоём месте я поспешил бы сделать явку с повинной.

– Почему?! – спросила пораженная этим неожиданным поворотом Женя.

– Потому, что, если ты этого не сделаешь, в милицию обратится кто-то другой, и твое раскаяние уже никто не примет к сведению. – Он повысил голос: – Ты ввела в курс дела такое количество людей, что кто-то из них просто обязан доложить о тебе в органы. Я не понимаю, почему бы тебе не уняться! Почему ты не можешь спокойно жить, не делая глупостей?! Такое впечатление, что тебе просто не терпится загреметь на нары!

– Но она говорила мне про адвокатскую тайну!

– А! – Он махнул рукой. – Ну что ты как ребенок, право слово! У каждого, с кем ты общалась, есть мужья, жены, подруги, друзья. Слово за слово, и образуется цепочка, в которой ты, даже если захочешь, никогда не найдешь того, кто проболтался первым. Помани мое слово. Тебя погубит твой язык!

Она всхлипнула.

– Я просто не знаю, как мне поступить. Мне очень тяжело, и я ощущаю свою вину. Это такое отвратительное чувство! Словно я испачкалась, а отмыться не могу. Ты говоришь, нервы! Да я извелась совсем! Мне уже мерещится, что за мной следят. От каждого телефонного звонка я вздрагиваю. В каждой обращенной ко мне реплике слышу скрытый подтекст. Мне кажется, что меня подозревают, что кто-то идет по моему следу, что меня все равно найдут, и это – лишь вопрос времени!

– Почему бы тебе просто не довериться мне? – спросил он, протягивая к ней руки. Он обнял ее, и она, как ребенок, доверчиво опустила голову на его плечо. – Вот увидишь, все образуется. Все будет, как прежде. Надо только подождать.

«*Подождать*, – стучало у нее в висках. – *Нужно только подождать*». Неважно, сколько для этого потребуется времени. Неделя, месяц, год... Она не могла так просто потерять все, что имела...

Глава 6

Следующие дни были похожи один на другой, как близнецы. Евгения ходила на работу, отводила дочку в детский сад и ждала. Ждала, когда ей станет легче. Когда наконец ее перестанут мучить кошмары. Вопреки заверениям мужа состояние духа ее совсем не улучшилось. Казалось, она потеряла вкус к жизни. Ни подготовка юбилейного номера журнала, ни успехи Василисы в произнесении ею новых слов не вызывали у Жени прежнего интереса. Она машинально выполняла свои обязанности: встречалась с людьми, отвечала на телефонные звонки, заплетала косы дочке, мыла тарелки, но ей все время казалось, что это делает не она, а какая-то женщина-робот, очень похожая на нее. Она даже немного похудела. У нее пропал аппетит. Но ей не было до этого никакого дела. Евгения уговаривала себя, что она не имеет права распускаться, что Александр прав и ей не стоит перекладывать на окружающих свои терзания. Но что она могла поделать, если все ее мысли были заняты только этим? Она не могла себе запретить думать о том, что произошло. Это было нереально, поскольку все, что ее окружало, постоянно напоминало ей о ее преступлении.

Каждый раз, садясь утром в такси, она вспоминала свою машину и то, как она любила водить ее. Теперь же ее изуродованный остов стоял в автосервисе, поскольку у них не было средств заплатить за полный ремонт. Но она не была уверена, что сможет *после всего этого* снова сесть за руль и повторить путь от дома до работы, не впадая в ступор от страшных воспоминаний. Пешеходы воспринимались ею теперь как опасные маньяки, норовящие в любой момент прыгнуть под колеса. Недовольство Василисы выводило ее из себя, потому что девчонка упорно не желала ездить на такси, и каждый раз, покидая детский садик, спрашивала, когда добрый доктор вылечит мамочкину машину. Она была веселой и беспечной, задавала так много вопросов, на которые Евгения уставала отвечать. Она не хотела включать телевизор, потому что каждый день там показывали криминальную хронику. Дорожно-транспортные происшествия в последнее время участились, и складывалось такое впечатление, что водители – из какого-то злого умысла – давят пешеходов сплошь и рядом. Депутаты вели дебаты в Думе по поводу усиления ответственности за преступления, совершенные за рулем. Инициатива важная и нужная, но после того, как Евгения из разряда законопослушных граждан перекочевала в стан нарушителей, она стала лояльнее относиться к происшествиям на дороге, даже к тем, которые влекли за собой смерть или увечье людей.

Александр вел себя по-прежнему, всем своим видом показывая, что в их доме ничего страшного не произошло. Он не напоминал ей о том страшном дне, и, по логике вещей, Евгения должна была испытывать к нему благодарность. Но вместо этого она раздражалась, полагая, что он относится к ее проблемам легкомысленно. Он предлагал ей сходить в кино – она отказывалась. Друзей в доме она тоже видеть не могла. Музыка из динамиков вызывала у нее головную боль, а возня детей – усталость. Все словно сговорилось доставлять ей как можно больше неудобств! В минуты просветления она понимала, что просто переутомилась и несправедлива к мужу, детям, коллегам, но ничего поделать с собой не могла. Она словно мчалась по очерченному судьбой кругу в одном направлении, вновь и вновь проходя через уже известные пункты: страх, отчаяние, апатия, неопределенность, и конца этому не предвиделось.

Поэтому однажды, оказавшись рядом с районным отделением милиции, она с лихой отвагой рванула на себя дверную ручку, словно делая попытку вырваться из замкнутого круга, в котором оказалась чуть больше недели назад...

Очутившись внутри, она стала испуганно озираться, как мышь, попавшая в мышеловку. Путь назад был свободен, и это ее отчасти успокоило. Отделение милиции отнюдь не

напоминало собой фойе театра. Здесь дурно пахло, и она не могла понять почему. То ли вонь уже въелась в покрытые зеленой краской стены. То ли так пахли беспокойные посетители этого казенного места. Шумные цыгане толпой бродили по коридорам, странные женщины с опухшими то ли от слез, то ли от водки глазами и прочие неопрятные личности занимали скамейки под дверями кабинетов. «Изнанка жизни», вспомнилось ей вдруг прочитанное где-то выражение, и ей показалось, что оно как нельзя кстати подходит для этого места. Евгения смотрела на них с жалостью и презрением и пыталась понять, что у них общего с ней, интеллигентной, умной женщиной. Внешне она казалась абсолютно другой. Она была элегантно одета, от нее пахло дорогими духами, и в ее глазах (во всяком случае, она в это верила!) отражалось чувство собственного достоинства, а не убогая зашоренность и вороватая осторожность. Но внутри – в душе – между ней и этими подозрительными личностями было много общего. Все они были не в ладах с законом, и пусть при ее виде нормальные люди не перебежали на другую сторону дороги, они все равно презирали бы ее, если бы узнали, как ей недавно пришлось поступить.

За стеклянной перегородкой с надписью «Дежурная часть» сидел усталый милиционер с пышными усами. Он даже не поднял головы, когда она приблизилась к нему.

– С кем мне можно поговорить? – начала она.

– По какому поводу?

Хороший вопрос! Он ждет от нее, чтобы она во всеуслышание объявила цель своего визита? *«Я сбила человека и оставила его умирать на дороге»*. Так, что ли? Неужели у них нет тайны следствия или еще чего-то такого, позволяющего решить проблему деликатно? Вот у той же Дубровской была хотя бы адвокатская тайна.

– Ну, что же вы, язык проглотили, гражданочка?

В его вопросе не прозвучали нотки любопытства. Просто усталое раздражение. Мол, ходят тут всякие!

Евгения собралась с силами.

– Я хотела бы сделать заявление о совершении преступления, – сказала она, и в тот же миг, как ей показалось, в отделении наступила полная тишина. Смолкли громкоголосые цыгане, перестали судачить о чем-то между собою милиционеры на выходе. Все глаза обратились к ней, а она с ужасом осознала, что обратного пути нет и все, что могло ее погубить, она уже сказала. Евгения ждала только одного: как на ее запястьях защелкнутся металлические браслеты и резкий голос прикажет ей – двигаться прямо по коридору.

Так ей показалось на первый взгляд, поскольку, когда к ней вернулась способность слышать и соображать, она поняла, что ничего подобного не произошло.

– Кабинет номер двадцать три, прямо по коридору. Сразу за туалетом, – сказал ей бесцветным голосом дежурный.

Из ее ушей словно убрали ватные тампоны, и мир снова заполнился звуками и запахами. Она пристально смотрела на милиционера.

– Что-то еще? – спросил он. – Шли бы вы уже. Не мешали работать.

– А если я приду после обеда? – спросила она. – Не сейчас?

– Да хоть вообще не приходите, – зевнул дежурный. – Ваше дело.

Евгения, словно проверяя серьезность его слов, медленно повернулась и сделала шаг к двери. Ее никто не окрикнул, не позвал. Она смелее двинулась к выходу и уже через минуту оказалась на крыльце, хватая ртом морозный воздух, словно только сейчас ей дали возможность дышать.

Странно, она не думала, что все получится так просто и прозаично. Никому не было до ее признаний никакого дела...

Сюжет она увидела в вечернем выпуске программы «Дежурный». Речь шла о молодой женщине, жертве дорожного происшествия. Она попала в аварию несколько дней назад и долгое время находилась в бессознательном состоянии. Ведущий просил всех, кому было что-либо известно об этой девушке и обстоятельствах ДТП, обратиться по телефону в редакцию или в ближайшее отделение милиции.

Евгении казалось, что она приросла к месту, когда ведущий озвучил название населенного пункта, где произошло преступление. Поселок Клепино – как привет из ее ночных кошмаров.

Она сжалась в комок, не в силах отвести взгляд от бледного лица молодой женщины, едва различимого на фоне белого больничного белья. Она была окружена аппаратами, выдающими на свои экраны показатели жизнедеятельности страдающего организма. К ее венам тянулись трубки, рот и нос были спрятаны под маской. Веки плотно закрыты. Крупным планом показали ее руки, безвольно, как плети, лежащие вдоль тела.

Рядом с ней не обнаружили ни вещей, ни документов, которые могли бы помочь в установлении личности пострадавшей. Никто не обратился в органы, разыскивая ее. Одинокая, брошенная, она несколько дней находилась в одной из городских больниц в тяжелом состоянии.

Евгения почувствовала дурноту, когда осознала последствия своего преступного легкомыслия. Ведущий говорил что-то о водителе, бросившем девушку на произвол судьбы, сетовал на мягкость закона, а ей казалось, что все его хлесткие слова обращены к ней лично и что не пройдет и минуты, как он материализуется в комнате и схватит ее за руку. Она представила себе, что эту программу смотрят сейчас ее коллеги и, сопоставив некоторые данные, они легко придут к выводу о виновнике дорожного происшествия. Она видела, как охранник на парковке лениво смотрит телевизор и встрепнется вдруг, припомнив обстоятельства странной аварии, случившейся с главным редактором издания, аккуратно день в день с датой наезда на девушку. «Тю! – удивится он. – Так это та цаца, которая якобы сбила оленя за городом? Я еще тогда не поверил в эту чушь. Развороченный перед, кровь на бампере. Она, должно быть, решила, что имеет дело с дураками!»

Но страшнее грядущего разоблачения для нее было осознание того, что это бледное лицо в маске будет преследовать ее в воспоминаниях и ночных кошмарах...

Постеры уже висели на своих местах, а кабинет приобрел вполне приличный вид, когда вьюжным февральским днем она пришла к Дубровской. Та расставляла на полках книги, внимательно следя за тем, чтобы корешки сочетались между собой по цвету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.